

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Т. А. ФАВОРСКАЯ

ФАВОРСКИЕ

Жизнь семьи
университетского профессора
1890–1953

Воспоминания

Татьяна Фаворская

**Фаворские. Жизнь семьи
университетского профессора.
1890-1953. Воспоминания**

«Санкт-Петербургский государственный университет»

2019

УДК 929
ББК 70

Фаворская Т. А.

Фаворские. Жизнь семьи университетского профессора. 1890-1953.
Воспоминания / Т. А. Фаворская — «Санкт-Петербургский
государственный университет», 2019

ISBN 978-5-288-05890-5

Мемуары известного ученого, преподавателя Ленинградского университета, профессора, доктора химических наук Татьяны Алексеевны Фаворской (1890–1986) – живая летопись замечательной русской семьи, в которой отразились разные эпохи российской истории с конца XIX до середины XX века. Судьба семейства Фаворских неразрывно связана с историей Санкт-Петербургского университета. Центральной фигурой повествования является отец Т. А. Фаворской – знаменитый химик, академик, профессор Петербургского (Петроградского, Ленинградского) университета Алексей Евграфович Фаворский (1860–1945), вошедший в пантеон выдающихся русских ученых-химиков. Заметки о личной жизни преподавателей и их преданных учеников и последователей, бытописание будней в эвакуации, хроника мирной дачной жизни – все это ценнейшие свидетельства той истории, о которой редко пишут в учебниках, но которая очень важна для каждого из нас, для истории культуры и науки России. Для широкого круга читателей, интересующихся историей России и российской науки.

УДК 929
ББК 70

ISBN 978-5-288-05890-5

© Фаворская Т. А., 2019

© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2019

Содержание

Предисловие	7
История семьи, науки, общества в зеркале воспоминаний	10
Глава 1	30
1.1. Род Фаворских. Отец, его детство, родители и семья. Учеба в Санкт-Петербургском университете	30
1.2. Мое детство. Главный человек – отец! Впервые в Европу... Наша жизнь в Петербурге и на отдыхе. Наши гости: родные и знакомые	53
1.3. Моя учеба на дому. Лето в Безо. Крымские впечатления. И снова Безо! Учение и развлечения	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Татьяна Фаворская

Фаворские. Жизнь семьи университетского профессора. 1890–1953. Воспоминания

*Рекомендовано к публикации
Научной комиссией в области химических наук
Санкт-Петербургского государственного университета*

Предисловие

Татьяна Алексеевна Фаворская – профессор Ленинградского Государственного Университета, доктор химических наук, родилась в Петербурге в 1890 году, в семье ассистента кафедры аналитической химии Петербургского Университета Алексея Евграфовича Фаворского. Впоследствии А. Е. Фаворский стал известным ученым, академиком, создателем одной из крупнейших школ органической химии.

Отец Татьяны Алексеевны был сыном настоятеля Троицкого собора в селе Павлово, Нижегородской губернии. Он учился сперва в Нижегородской классической гимназии, потом перевелся в Вологодскую гимназию. Здесь, в Вологде, он познакомился со своей будущей женой – Натальей Павловной Дубровиной, которая впоследствии окончила женские врачебные курсы в Петербурге. Выйдя замуж за Алексея Евграфовича, она полностью посвятила себя семейным заботам.

Каков был круг общения Татьяны Алексеевны в уже сознательном возрасте? Прежде всего, это родственники по линии отца – семья старшего брата Алексея Евграфовича, Андрея Евграфовича, адвоката, члена Государственной Думы. Сын Андрея Евграфовича – Владимир Андреевич – стал известным художником-графиком, он переписывался с Алексеем Евграфовичем, а позже (в конце 1940-х годов) его дочь, тоже художница, приезжала летом на дачу к семье Алексея Евграфовича и делала зарисовки с детей и внуков.

Кроме того, Татьяна Алексеевна дружила с детьми Елизаветы Евграфовны, сестры Алексея Евграфовича и жены профессора В. Е. Тищенко, которая жила в том же профессорском флигеле этажом ниже. Особенно близка она была с Андреем Тищенко, который трудился на кафедре русской истории в Университете. К сожалению, он погиб в 1914 году на фронте в Первую мировую войну.

Конечно, Татьяна Алексеевна была окружена многочисленными учениками Алексея Евграфовича и когда последние посещали учителя у него дома, и на регулярных приемах, которые устраивались в большой квартире Алексея Евграфовича. Атмосфера научного общения впитывалась ею с детства.

Большим горем для Татьяны Алексеевны (ей было 18 лет) была смерть ее матери, первой жены Алексея Евграфовича. Алексей Евграфович женился во второй раз на своей бывшей студентке Высших женских курсов Марии Маркеловне Домбровой. Так получилось, что Татьяна Алексеевна была с нею знакома раньше, через свою тетю, сестру матери, и очень ей симпатизировала. Так что женитьба отца ввела в дом не «злую мачеху», а близкую по духу женщину. Они прожили вместе вплоть до смерти Марии Маркеловны, и нужно сказать, что мачеха находила общий язык со своей падчерицей, пожалуй, гораздо лучше, чем с родными дочерьми. Тем не менее никакого соперничества между сестрами не было, Татьяна Алексеевна была ангелом-хранителем семьи, и все дети Алексея Евграфовича от второго брака (Ирина, Марина и Алексей) были чрезвычайно к ней привязаны.

Татьяна Алексеевна вообще была необыкновенно доброжелательна к людям, по семейной традиции человеком верующим и считала совершенно естественным для себя помогать всем нуждающимся, кому морально, а кому и материально.

Поражает сила духа, проявившаяся в ней в тяжелые времена после революции. Воспитанная в тепличных условиях, дочь действительного статского советника не чуралась никакой работы. В голодные времена она выращивала овощи на организованном ею огороде на лужайке около бывшего Первого кадетского корпуса, недалеко от здания Химической лаборатории.

Вскоре семья эвакуировала Марию Маркеловну с тремя маленькими детьми в деревню Усадищи, в более чем ста километрах от Петрограда, где они прожили с 1919 по 1922 год. И

все эти три года Татьяна Алексеевна регулярно ездила в Усадищи, привозила нужные семье вещи: зимнюю и летнюю одежду, вещи для обмена на продукты и разные услуги, кое-какую еду, лекарства. Ездила она на поезде дальнего следования до станции Чолово, а потом до самих Усадищ на попутной подводе. Если бы не она, не известно, спасла бы эвакуация в Усадищи жизнь и здоровье маленьких детей.

Татьяна Алексеевна в юности кончила гимназию Шаффе в Петербурге, потом Высшие женские курсы, а в 1917 году получила место лекционного ассистента в Университете и вскоре занялась исследовательской работой в области органической химии. К этому времени она уже была человеком, широко образованным не только в естественных науках: она владела тремя языками – немецким, французским и английским. Работая в Университете, Татьяна Алексеевна защитила сперва кандидатскую, потом докторскую диссертацию, а после войны стала заведующей лабораторией на кафедре строения органических соединений.

Видимо, Татьяна Алексеевна унаследовала педагогические способности своего отца, потому что у нее всегда было много и дипломников и аспирантов. С учениками у нее часто были неформальные отношения, она не только обучала их премудростям органической химии, но была советчиком по различным житейским вопросам. Её ученики разъезжались после окончания учебы по всему Советскому Союзу, но не забывали своего учителя, присылали письма, поздравительные телеграммы, посылки с разными вкусностями. Члены семьи особенно радовались посылками с крабами из Владивостока – у нас в Ленинграде тогда это было большой редкостью.

Не отказывалась Татьяна Алексеевна и от профессиональной помощи в других областях. Так, она принимала участие как эксперт в школьных химических олимпиадах, которые проходили под эгидой ленинградского Дворца пионеров. В конце своей научной деятельности Татьяна Алексеевна была награждена Орденом Ленина за большой вклад в подготовку кадров, развитие образования и науки.

Последние тридцать лет своей жизни Татьяна Алексеевна была членом семьи своей племянницы, старшей внучки Алексея Евграфовича. Как и в любом своем окружении, она умела создать атмосферу любви, взаимопомощи, учета интересов близких людей. Особое значение имело ее влияние на двух подрастающих в семье мальчиков. Естественно, между прочим она учила их добру, серьезному отношению к делу, которое они себе выбрали, стремлению к профессиональному росту. Её любимая поговорка была «Терпение и труд все перетрут».

Татьяна Алексеевна была чрезвычайно разносторонним человеком. Она обладала энциклопедическими знаниями в области географии и ботаники, была увлеченным и успешным садоводом, любила природу и органично с нею взаимодействовала. В этом плане характерна такая семейная история. Одним из любимых хобби Татьяны Алексеевны летом был сбор грибов. Она часто объединялась с Алексеем Алексеевичем, супругом ее племянницы Марии Никитичны, для поездок на мотоцикле по глухим местам Карельского перешейка в поисках лучших грибных мест. Однажды Алексей Алексеевич вышел из леса на небольшую поляну и увидел следующую картину: посередине поляны стоит огромный лось, а Татьяна Алексеевна подбирается к симпатичной сыроежке, находящейся практически под копытом этого лоса. Как известно, лоси – животные очень чуткие и осторожные, и могут быть агрессивными. Алексей Алексеевич приготовился отвлекать внимание разъяренного животного на себя, но это не потребовалось. Татьяна Алексеевна очень спокойно и неторопливо добыла нужную сыроежку и не спеша отправилась к следующей. Лось постоял тихо, давая ей отойти, повернулся и бесшумно скрылся в лесной чаще. Наверное, если бы они провели больше времени вместе, то вполне смогли бы и подружиться.

При необходимости Татьяна Алексеевна могла прибегнуть и к волшебству. Она мастерски заговаривала детские ушибы и ссадины, так что боль и слезы быстро проходили. Кроме того, как известно, в окрестностях Петербурга, в особенности в июне, почти всегда идет

дождь. Тяжело детям проводить целые дни на даче взаперти. Когда терпение иссякало, собиралась делегация к Татьяне Алексеевне с просьбой применить ее коронное заклинание «Сорок лысых». Им не следовало злоупотреблять, и Татьяна Алексеевна выжидала пару дней, но если дождь не кончался, писала на специальном листке специальными чернилами строго секретные имена сорока известных ей лысых мужчин, шла на перекресток, рвала список на мелкие кусочки и развеивала по ветру. Случай, чтобы заклинание Татьяны Алексеевны не помогло, нам неизвестны – на следующий день всегда выходило солнце.

Светлая память о Татьяне Алексеевне Фаворской будет всегда жить в наших сердцах.

Семьи Киселевых – Домниных

История семьи, науки, общества в зеркале воспоминаний

Дорогой читатель!

Перед вами интереснейшая книга воспоминаний, связанная с историей одной из замечательных русских семей, в судьбе которой отразились разные эпохи истории российской. Воспоминания принадлежат Татьяне Алексеевне Фаворской (1890–1986) – известному ученому, преподавателю Ленинградского университета, профессору, автору научных книг и открытий. Центральной фигурой повествования является ее отец – знаменитый химик, академик, профессор Петербургского университета Алексей Евграфович Фаворский (1860–1945).

А. Е. Фаворскому посвящена значительная литература. Уже в 1920-е годы он прочно входит в пантеон выдающихся русских ученых-химиков как представитель школы А. М. Бутлерова¹. После кончины ученого эти представления закрепляются целой серией мемориальных изданий второй половины 1940-х – начала 1950-х годов и текстов, направленных на прославление достижений русской науки². Его имя традиционно примыкает к числу имен российских химиков первого ряда, среди которых А. М. Бутлеров, Д. И. Менделеев, Д. П. Коновалов, Л. А. Чугаев, В. П. Ипатьев³. Особую роль в российской науке ученый занимает благодаря его поистине масштабной школе, питомцы которой развивали различные направления работы учителя⁴. Его именем названы улицы и научные институты, на зданиях, в которых жил и работал А. Е. Фаворский, установлены мемориальные доски. Традицией стали научные чтения, посвященные ученому, проходящие как в Санкт-Петербурге, так и в других городах⁵. Однако настоящее издание – это особый, уникальный памятник А. Е. Фаворскому. Автор воспоминаний не только дочь, но и ближайший помощник ученого, его биограф, продолжатель его научных начинаний. Не будет преувеличением сказать, что отец был главным человеком в ее жизни.

И сразу надо отметить, что вторым главным героем книги является сама Т. А. Фаворская, события жизни которой, ее взгляды, эмоции, впечатления составляют живую ткань повествования, захватывают и ведут за собой читателя. Разумеется, важными героями воспоминаний оказываются и представители славной научной династии – младший брат автора воспоминаний Алексей Алексеевич Фаворский (1914–1943), сестры Ирина Алексеевна Фаворская (1911–2002), Марина Алексеевна Фаворская (1912–2003) и их дети – внуки ученого. На страницах книги представлены и другие члены клана Фаворских – одного из выдающихся родов российской интеллигенции второй половины XIX–XX века, происходившего из духовного сосло-

¹ См., напр.: Уинни У. П. О значении работ русских химиков для мировой химии. Речь президента Английского химического общества, произнесенная на годовом собрании общества 27 марта 1924 года / пер. В. Г. Хлопонина. Л., 1924. С. 45–47; Чичибабин А. Е. Успехи химии в СССР за последние десять лет. Л., 1928. С. 5, 15.

² См., напр.: Алексей Евграфович Фаворский // Вестник АН СССР. 1945. № 12. С. 10–16; Алексей Евграфович Фаворский (1860–1945) / вступ. ст. М. Ф. Шостаковского; библиогр. сост. О. В. Исаковой. М., 1945; *Фигуровский Н. А.* Чем наука обязана русским химикам: расширенная стенограмма лекции. М., 1950; *Глинка М. Л.* Роль русских ученых в развитии мировой химии: стенограмма публичной лекции. М., 1950; и др.

³ См., напр.: *Фигуровский Н. А.* История химии: учеб. пособие. М., 1979. С. 290–291; *Соловьев Ю. И.* История химии в России. М., 1985.

⁴ *Балезнин С. А., Бесков С. Д.* Выдающиеся русские химики. М., 1972. С. 191; *Проскуряков В. А., Макареня А. А., Авербух А. Я.* Химические школы Петербурга – Ленинграда. Л., 1976; *Трофимов Б. А., Иванов А. В.* Развитие идей академика Фаворского в работах М. Ф. Шостаковского // Вестник СПбГУ. Сер. 4. Т. 1 (59). 2014. Вып. 4. С. 558–566; и мн. др.

⁵ *Домшин И. Н., Костиков Р. Р.* Органическая химия – любовь на всю жизнь. К 150-летию со дня рождения академика А. Е. Фаворского // Вестник Российской академии наук. 2010. Т. 80, № 3. С. 245–250; *Трофимов Б. А.* Чтения памяти академика А. Е. Фаворского в Иркутском институте химии им. А. Е. Фаворского СО РАН // Вестник СПбГУ. Сер. 4. 2013. Вып. 3. С. 131–135; *Schmidt E. Yu.* New Horizons of the Favorsky Chemistry // Вестник СПбГУ. Сер. 4. 2013. Вып. 4. С. 103–110; *Трофимов Б. А.* Вторые чтения памяти академика Алексея Евграфовича Фаворского в Иркутске // Вестник СПбГУ. Сер. 4. Т. 1 (59). 2014. Вып. 3. С. 427–432; и др.

вия. Первым представителем династии, получившим всероссийскую известность, стал Максим Андреевич Фаворский (1806–1867) – знаменитый врач, профессор Медико-хирургической академии. Благодаря средствам М. А. Фаворского, у которого своих детей не было, образование получили дети его брата, священника Евграфа Андреевича Фаворского (1821–1876). Помимо будущего химика Алексея Евграфовича, это его старший брат Андрей (1843–1926), который был выдающимся юристом своего времени, общественным и политическим деятелем, членом партии октябристов, членом Государственной думы. Его сын Владимир Андреевич Фаворский (1886–1964) стал выдающимся художником-графиком. Младшая сестра А. Е. Фаворского Елизавета (1863–1941) стала женой коллеги брата по университету – профессора, впоследствии академика В. Е. Тищенко (1861–1941), – кстати, также одного из героев этой книги. На ее страницах мелькают и другие известные фамилии, в родстве с которыми в разное время оказались Фаворские, – Дервиз, Шервуд, Полежаевы, Римские-Корсаковы, Домнины и другие.

Перед читателем чередой проходят как политические и общественные деятели, с которыми довелось встречаться А. Е. Фаворскому или самой Татьяне Алексеевне (например, Николай II, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин), так и многочисленные деятели науки и культуры: ученые, писатели, художники, артисты. Очень важное место в воспоминаниях занимают ученые, трудившиеся в разное время в Петербургском университете – учебном и научном заведении, которое прочно ассоциируется с фигурой А. Е. Фаворского и его школой.

Герои повествования не только известные персоны, но и простые люди, яркие портреты которых дают представления о разных национальностях, профессиях, стратах населения России и тех стран, где побывала Татьяна Алексеевна.

Не вызывает сомнения, что в основе воспоминаний – дневниковые записи автора. Сама Татьяна Алексеевна отмечает, что начала систематически писать дневник только в 1907 году. Однако стиль изложения воспоминаний, изобилующий многочисленными подробностями, зарисовками частных встреч и событий, наводит на мысль, что какие-то записи делались еще в период детства и ранней юности – с начала 1900-х годов. Вероятно, преимущественно летом – каждый каникулярный сезон в эстонском Безо описан мемуаристкой с потрясающей детализацией. Вообще, значительная часть записей, охватывающих хронологически почти шестьдесят лет (с 1890-х по 1950-е годы), связана с описанием летнего отдыха семьи, иногда эти описания предельно детальны – скорее всего, данное обстоятельство как раз отражает возможность Татьяны Алексеевны подробно вести свои дневники. Всю жизнь она интенсивно трудилась и, по-видимому, время для подробных записей оставалось в основном на отдыхе.

В книге приведены не только воспоминания Татьяны Алексеевны с раннего детства до 1953 года. Специальная глава посвящена детству и юности отца, а отдельные эпизоды и фразы относятся к более позднему времени (вторая половина 1950-х – 1960-е годы). Последнее означает, что создание воспоминаний, вероятно, относится к периоду не ранее середины 1950-х годов, их редактирование несомненно проходило в более позднее время. В 1968 году появилась небольшая брошюра Татьяны Алексеевны об отце в серии «Выдающиеся ученые Ленинградского университета»⁶. В 1980 году в свет выходит уже книга Татьяны Алексеевны монографического характера, подготовленная в академической серии «Научно-биографическая литература»⁷. В ее текст в отредактированном и сокращенном варианте вошли отдельные части публикуемых в настоящем издании воспоминаний.

Безусловно, как и всякие воспоминания, текст Татьяны Алексеевны субъективен, иногда внутренне противоречив. Подобная противоречивость связана отчасти с тем, что ее воспоминания основываются на фрагментах дневника, созданного в разное время. Иногда это касается оценок людей, но чаще – явлений и событий, по отношению к которым позиция автора меня-

⁶ Фаворская Т. А. Алексей Евграфович Фаворский. Л., 1968.

⁷ Фаворская Т. А. Алексей Евграфович Фаворский (1860–1945). Л., 1980.

лась, в чем видится достоинство данного текста как исторического источника. Воспоминания отражают мировосприятие автора, все многообразие событий, людей и явлений, с которыми он сталкивался. Это «роман» его жизни. Основная линия – история семьи Фаворских, на долю которых выпало много радости и горя. Но история семьи включает в себя сюжеты, связанные с историей науки и академического мира России, драматических событий социально-политической истории, яркие зарисовки бытового уклада русской интеллигенции. Текст Татьяны Алексеевны написан хорошим литературным языком. Режим плотного, насыщенного описания событий чередуется с четкими и глубокими аналитическими оценками ученого.

Вся жизнь героя воспоминаний А. Е. Фаворского неразрывно связана с университетом⁸ в славном городе на Неве. В 1878 году он поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. В воспоминаниях Татьяны Алексеевны отмечается, что ее отец попал в лабораторию А. М. Бутлерова в 1881 году и сразу активно включился в работу. Этот факт вполне подтверждается тем, что в первый раз о работах студента Алексея Фаворского упомянуто в отчете университета за 1881 год, где указано, что он работал под руководством профессора А. М. Бутлерова и лаборанта М. Д. Львова «над уплотнением валериана»⁹. Само упоминание фамилии студента в отчете о научной деятельности университета уже являлось определенным поощрением его работы, выделением его из общего ряда. Вообще, встреча с А. М. Бутлеровым – важнейшее событие в жизни А. Е. Фаворского. Свою принадлежность к школе А. М. Бутлерова он всегда подчеркивал, а память учителя глубоко чтит¹⁰.

Университет конца 1870 – начала 1880-х годов – место формирования многочисленных революционных кружков, постоянного студенческого брожения и фронды. Ни в воспоминаниях Татьяны Алексеевны, ни в других известных источниках нет свидетельств участия А. Е. Фаворского в революционной деятельности. Происходящий из духовного сословия религиозный молодой человек вряд ли был склонен к чрезмерному радикализму. В то же время общее, характерное для молодежи 1870-1880-х годов оппозиционное отношение к тогдашнему политическому режиму он, вероятно, разделял и даже принимал участие в незаконных студенческих сходках. Во всяком случае, как свидетельствует журнал совета университета от 30 марта 1881 года, студент Алексей Фаворский получил выговор от университетского суда за участие в несанкционированной сходке и подписание петиции по поводу дела студента Ивана Шеталова. Последний был «репрессирован» университетским судом за попытку организации самосуда над студентом, которого «товарищество» подозревало в доносах¹¹. Свои оппозиционные по отношению к самодержавию взгляды А. Е. Фаворский пронес до революции 1917 года.

31 мая 1882 года Алексей Фаворский решением совета был удостоен степени кандидата по разряду естественных наук при условии представления диссертации и одобрения ее физико-математическим факультетом¹². Кандидатской диссертацией в рамках университетской системы того времени являлось дипломное сочинение студента. Отметим, что представляла такие сочинения (и становилась кандидатами) лишь меньшая часть выпускников университета, большинство кончало университет со званием действительного студента. Наличие

⁸ Кстати, Татьяна Алексеевна всегда пишет «Университет» с прописной буквы, когда речь идет об alma mater, и такое написание сохранено в данной публикации.

⁹ Отчет о состоянии Императорского С.-Петербургского университета и деятельности ученого его сословия за 1881 г., составленный экстраординарным профессором И. В. Помяловским и читанный на акте 8 февраля 1882 г. ординарным профессором О. Ф. Миллером // Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за первую половину 1881–1882 академического года. СПб., 1882. № 25. С. 93.

¹⁰ *Фаворский А.Е.* А. М. Бутлеров как глава школы русских химиков // А. М. Бутлеров. 1828–1928. Л., 1929. С. 73–92.

¹¹ Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за вторую половину 1880–1881 академического года. СПб., 1881. № 24. С. 64.

¹² Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за вторую половину 1881–1882 академического года. СПб., 1882. № 26. С. 65.

кандидатской степени было необходимым условием оставления в университете и подготовки магистерской диссертации.

Судя по отчетам руководителя лаборатории А. М. Бутлерова, «кандидат Фаворский» продолжал в ней свои исследования и по окончании курса¹³. Однако сразу оплачиваемой позиции в университетской лаборатории не нашлось. Как отмечает Татьяна Алексеевна, с 1882 года А. Е. Фаворский «занял место лаборанта-химика в Первом реальном училище». Правда, официальная документация фиксирует начало службы А. Е. Фаворского с 22 апреля 1883 года. А с 1 июля 1886 года (с уходом в отставку Н.Н. Любавина) освободилось место лаборанта, которое занял А. Е. Фаворский (согласно воспоминаниям, это событие произошло также на год раньше – в 1885-м)¹⁴. Надо отметить, что физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета отличался от гуманитарных факультетов более жесткими требованиями к кандидатам на преподавательские позиции. Поэтому официальное занятие должности даже младшего преподавателя (приват-доцента) до защиты магистерской диссертации было практически невозможным. С другой стороны, после введения в действие нового университетского устава 1884 года в университетском преподавании значительно увеличивается вес лабораторных и практических занятий, что приводит к тому, что лаборанты начинают нести значительную педагогическую нагрузку, работая со студентами. Таким образом, преподавательскую деятельность в университете А. Е. Фаворский начинает со второй половины 1880-х годов – до формального обретения преподавательского статуса. Как отмечает Татьяна Алексеевна, именно в это время у ученого появляются первые ученики – К. И. Дебу и К. А. Красуский. За почти шестьдесят лет преподавательской деятельности около девяноста химиков начали свой научный путь под непосредственным научным руководством А. Е. Фаворского. Ряд из них добились выдающихся результатов, сделали большую карьеру, сами воспитали многочисленных учеников. Среди питомцев школы А. Е. Фаворского можно назвать имена С. Н. Данилова, Н. А. Домнина, В. Н. Ипатьева, Ю.С.Залькинда, И. Н. Назарова, М. Ф. Шостаковского и многих других известных в России и мире ученых разных поколений¹⁵. На страницах воспоминаний присутствуют фигуры многих учеников А. Е. Фаворского, становление которых как специалистов-химиков пришлось как на время сознательной жизни и профессиональной деятельности самой Татьяны Алексеевны, так и на более ранние годы. Некоторые первые ученики А. Е. Фаворского стали близкими к учителю людьми на всю жизнь. Особые отношения связывали А. Е. Фаворского с С. В. Лебедевым, который сам стал всемирно известным ученым. Татьяна Алексеевна описывает тяжелое состояние отца, узнавшего о преждевременной кончине этого любимого ученика и друга. Вообще, из книги мы узнаём, сколь много значили для него ученики, которые были частыми гостями в доме Фаворских, ездили к ним на дачу. Татьяна Алексеевна многократно описывает ежегодные приемы по поводу именин профессора, на которые ученики всегда приглашались. Один из поздних учеников А. Е. Фаворского, Никита Домнин (в будущем известный ученый и ректор ЛГУ), со временем вошел в семью профессора, женившись на Ирине Фаворской.

15 сентября 1891 года А. Е. Фаворский защитил магистерскую диссертацию на физико-математическом факультете. Примечательно, что еще до ее формального утверждения в университетском совете он был допущен попечителем к чтению лекций в университете в звании

¹³ [Отчеты по химической лаборатории за 1884. 1885] // А.М. Бутлеров. Научная и педагогическая деятельность. Сборник документов. М., 1961. С. 141, 142.

¹⁴ Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за первую половину 1886–1887 академического года. СПб., 1887. № 35. С. 68.

¹⁵ *Сосницкий Д. А., Ростовец Е. А.* Фаворский Алексей Евграфович // Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917). URL: <http://bioslovhist.spbu.ru/person/627-favorskiy-aleksey-yevgrafovich.html> (дата обращения: 23.08.2018).

приват-доцента¹⁶. Приват-доцентура открыла дорогу А. Е. Фаворскому к чтению по поручению факультета обязательных курсов лекций, а следовательно, дала возможность укрепить позиции внутри университетской корпорации. Однако стать профессором на физико-математическом факультете столичного университета, как правило, можно было только с получением докторской степени. Докторскую диссертацию молодой ученый готовит в крайне сжатые сроки – за четыре год, в полтора раза быстрее, чем было принято на факультете!¹⁷ 8 мая 1895 года совет университета утвердил решение физико-математического факультета о присвоении А. Е. Фаворскому степени доктора химии за диссертацию «Исследование изомерных превращений в рядах карбонильных соединений, охлоренных спиртом и галоидозамещенных окисей». Блестящий отзыв о диссертации представили профессора А. Н. Меншуткин и Д. П. Коновалов¹⁸.

В 1896 году происходит поворотное событие в академической карьере А. Е. Фаворского – его избирают на должность сверхштатного ординарного профессора по кафедре технологии и технической химии¹⁹. Обретение профессуры в тридцать шесть лет, хотя и не могло считаться факультетским рекордом, все же было существенно более быстрым в карьерном отношении, чем средние показатели по факультету. Для сравнения можно сказать, что его университетский товарищ Вячеслав Евгеньевич Тищенко получил профессуру только в сорок шесть лет.

Как отмечается в литературе, в глазах общества в дореволюционной России был очень высок статус столичного профессора²⁰. Профессор обладал значительными возможностями, связанными с выбором и привлечением к научной деятельности лучших молодых людей, организацией лабораторных исследований, получением финансирования, изданием научных трудов. Иначе говоря, должность профессора открывала перед ученым возможность создания собственной научной школы, реализации научно-исследовательской программы.

В то же время оплата работников интеллектуального труда на пути к профессуре оставляла желать много лучшего. Жалование лаборанта было очень скромным (порядка 70 рублей в месяц). Вплоть до конца 1890-х годов доходы семьи были не слишком велики. Оплата труда приват-доцента зависела от факультета и целого ряда обстоятельств, связанных с поручением обязательного курса. Надо отметить, что

А. Е. Фаворский такое поручение получил сразу, и в ноябре 1891 года по представлению физико-математического факультета университетский совет принял решение о выделении на 1892 год А. Е. Фаворскому годового вознаграждения в размере 600 рублей (аналогичная сумма выделялась и в последующие годы). Эта же сумма выплачивалась ему затем как сверхштатному профессору²¹. Гонорар (плата за лекции, вносимая студентами) у А. Е. Фаворского, по крайней мере до 1902 года, также был небольшим. Например, в 1896 году он составлял 142 рубля (для

¹⁶ Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за осеннее полугодие 1891 года. СПб., 1892. № 45. С. 9, 11, 26.

¹⁷ Ростовцев Е. А., Баринов Д. А. Физико-математический факультет Императорского Петербургского университета (1819–1917): опыт коллективной биографии // Международные отношения и диалог культур: сб. науч. ст. 2016. № 4 (2015). С. 206.

¹⁸ Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1895 год. СПб., 1896. № 51. С. 49–50.

¹⁹ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1896 год, составленный и. д. ординарного профессора Н. И. Веселовским. С приложением речи ординарного профессора П. И. Георгиевского. СПб., 1897. С. 11.

²⁰ См., напр.: Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под ред. Е. А. Вишленковой, И. М. Савельевой. М., 2013; Маурер Т. «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М., 2015; Иванов А. Е. Ученое достоинство в Российской империи. XVIII – начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М., 2016.

²¹ Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за осеннее полугодье 1891 г. СПб., 1892. С. 26; Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за осеннее полугодье 1892 г. СПб., 1893. С. 15; Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за осеннее полугодье 1893 г. СПб., 1894. С. 20; Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1894 г. СПб., 1895. № 50. С. 32; Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1895 г. СПб., 1896. № 51. С. 33.

сравнения: у Н. А. Меншуткина – 1414 рублей, у Д. П. Коновалова – 4844 рубля)²². Получавшаяся таким образом сумма позволяла семье не бедствовать, но стандарты жизни, принятые в кругу, в котором вращались Фаворские, требовали дополнительного заработка. Вероятно, в том числе и с этим обстоятельством связаны многочисленные приработки отца, о которых вспоминает Татьяна Алексеевна, – в Михайловском артиллерийском училище, Михайловской артиллерийской академии, затем на Высших женских курсах и в Технологическом институте.

Правда, уже с 1 января 1899 года А. Е. Фаворский стал штатным экстраординарным, а через несколько месяцев (с 1 сентября) – ординарным профессором²³. Разумеется, некоторые сложности были вызваны тем, что занимаемая им кафедра (технологии и технической химии) не вполне соответствовала его специализации, связанной с органической химией, курс которой традиционно читался профессором по «основной» кафедре химии. С 1902 года, после ухода профессора Н. А. Меншуткина в Политехнический институт, А. Е. Фаворский стал читать в университете курс органической химии, передав курс технической химии приват-доценту В. Е. Тищенко²⁴. После же ухода из университета профессора Д. П. Коновалова в 1907 году А. Е. Фаворский наконец стал ординарным профессором кафедры химии, а В. Е. Тищенко обрел искомую профессию по бывшей кафедре А. Е. Фаворского²⁵. Надо отметить, что Татьяна Алексеевна (как и другие биографы А. Е. Фаворского) не придает значения бюрократическим формальностям. Для Татьяны Алексеевны переход А. Е. Фаворского и В. Е. Тищенко состоялся уже в 1902 году с началом фактического исполнения ими новых обязанностей. Она иначе передает названия кафедр, именуя кафедру технологии и технической химии – кафедрой аналитической и технической химии, а кафедру химии – кафедрой органической химии, что отражает более поздние (послереволюционные) реалии. Можно отметить, что, кроме обретения кафедры и лаборатории с любимой специализацией, А. Е. Фаворский значительно упрочил материальное положение семьи – университетский заработок колебался в зависимости от численности студентов, но, учитывая гонорар, составлял после 1902 года не менее 5000 рублей (Т. А. Фаворская пишет о профессорской зарплате в 3000 рублей, но эта сумма не учитывает гонорарных выплат). Вскоре после формального закрепления за ним искомой кафедры химии в университете А. Е. Фаворский передал Л. А. Чугаеву кафедру в Технологическом институте.

Итак, со второй половины 1900-х годов ученый смог сосредоточиться на работе в двух «университетах»: «мужском» (Императорском столичном) и «женском» (Высших женских (Бестужевских) курсах), оставив заработки в других учебных заведениях. Говоря о материальном достатке семьи, немаловажно подчеркнуть, что уже с лаборантских лет, то есть со второй половины 1880-х годов, А. Е. Фаворский был обеспечен казенной университетской квартирой. С продвижением в университетской иерархии ученый улучшал свои жилищные условия – с обретением профессуры семья обрела и подходящую пятикомнатную квартиру, а с переходом А. Н. Меншуткина в Политехнический институт в 1902 году Фаворские переехали в его более просторную квартиру, в которой семья ученого жила более столетия. Татьяна Алексеевна подробно описывает жизнь и быт профессорско-преподавательского флигеля – соседями Фаворских были Меншуткины, Коноваловы, Тищенко, Погоржельские и другие. Мы не случайно акцентируем внимание на материальных аспектах жизни семьи Фаворских. Данное обстоятельство вызвано самим характером воспоминаний Татьяны Алексеевны, одним из достоинств которых является насыщенное описание профессорского быта во всех его проявлениях. Доходы профессора позволяли содержать большую квартиру, дачу, несколько человек

²² Список профессоров и приват-доцентов, получивших в 1895 и 1896 г. гонорар за чтение лекций и ведение практических занятий. СПб., б. г. С. 5.

²³ Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1899 г. СПб., 1900. № 55. С. 62.

²⁴ Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1902 г. СПб., 1903. № 58. С. 65.

²⁵ Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1907. СПб., 1908. № 63. С. 163–165.

прислуги, нанимать учителей для воспитания детей, устраивать регулярные приемы большого количества гостей, путешествовать по России и за границу, лечиться в Швейцарии, материально помогать родственникам. Все эти подробности жизни «высшей интеллигенции», к которой обоснованно причисляла себя Татьяна Алексеевна, наглядно показывают характер социального статуса профессора в начале XX века.

Вообще, нужно отметить, что очень много петербургских событий из воспоминаний Татьяны Алексеевны территориально происходило на очень ограниченном пространстве, в районе так называемого академического центра, примыкавшего к стрелке Васильевского острова, – университетские здания (Двенадцати коллегий, химическая лаборатория, профессорский флигель, университетская столовая), Бестужевские курсы, гимназия Шаффе, Ларинская гимназия, Институт Отта. Напротив стрелки Васильевского острова, на Ватном острове, располагался опытный завод Военно-химического комитета, а затем РИПХ/ГИПХ (Российский / Государственный институт прикладной химии), одним из основателей которого был А. Е. Фаворский. Это был очень тесный во всех отношениях мир петербургской интеллигенции, ведь численно весь «академический мир» Петербурга составлял в начале XX века ничтожный процент (1–2 %) от населения быстрорастущего города, число жителей которого к началу Первой мировой войны перевалило за 2,2 млн человек.

Центром этого «академического мира» были Академия наук и, конечно же, университет. Несмотря на то что целый ряд ученых совмещали работу в университете и Академии, между двумя корпорациями существовало некоторое напряжение²⁶. В области химических наук оно, по-видимому, присутствовало со времен конфликта, связанного с «неизбранием» в Академию Д. И. Менделеева, кандидатуру которого активно отстаивал академик и одновременно профессор университета А. М. Бутлеров. Вероятно, этим напряжением можно объяснить очень позднее (только в 1922 году) избрание А. Е. Фаворского в число членов-корреспондентов Академии. Впрочем, уже к началу XX века университет явно обошел Академию по масштабу научной деятельности. Причина заключалась в том, что штаты университета росли быстрыми темпами, главным образом за счет так называемых младших преподавателей (число которых постепенно увеличивалось с ростом числа студентов). Если в Академии по химическим наукам традиционно было занято две позиции, то в университете к 1915 году числилось десять преподавателей химии – помимо профессоров А. Е. Фаворского, В. Е. Тищенко, Л. А. Чугаева – приват-доценты В. Н. Ипатьев, А. Н. Сапожников, М. С. Вревский, П.П. фон Веймарн, С. В. Лебедев, Ю. С. Залькинд, Г. Н. Антонов, каждый из них уже обладал именем в науке и вел активную исследовательскую деятельность²⁷. Однако главными фигурами и на кафедрах, и в факультетских и университетском советах были профессора, которые принимали все основные кадровые и организационные решения, связанные с жизнью университета. Сами профессора дореволюционного университета воспринимали себя как отцов в университетской семье, несущих ответственность и за науку, и за студенчество. Кроме всего прочего, профессорское служение в условиях дореволюционного университета подразумевало решение огромного количества административно-финансовых вопросов, в том числе связанных с работой над составлением различных регулирующих документов, в чем А. Е. Фаворский активно принимал участие, включая управление многочисленными «капиталами»²⁸, подготовку отзывов на диссертации²⁹, участие в разных университетских комиссиях и депутациях³⁰. О некото-

²⁶ Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017. С. 344–348.

²⁷ Обзорение преподавания наук по факультету восточных языков Императорского Петроградского университета в осеннем полугодии 1915 и в весеннем полугодии 1916 года. Пг., 1915.

²⁸ Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1898 г. СПб., 1898. № 54. С. 23–24.

²⁹ Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1900 г. СПб., 1901. № 56. С. 55–

рых из этих дел есть зарисовки на страницах книги. Так, например, Татьяна Алексеевна пишет о поездке отца вместе с ректором А. М. Ждановым в Стокгольм на «съезд математиков и астрономов» в 1900 году. Результаты поездки запомнились Татьяной Алексеевной прежде всего подарками. По ее словам, «отец остался очень доволен поездкой; на заседания, кроме торжественного, он, конечно, не ходил, но провел время очень хорошо». Однако такого рода поездки представляли, так сказать, лаковую сторону профессорской жизни. Основное ее содержание – напряженная каждодневная работа, темп которой несколько снижался в каникулярное время, поскольку Алексей Евграфович был вдали от своей лаборатории. Так же как и у других его коллег, деятельность Фаворского не ограничивалась исполнением многочисленных служебных обязанностей в официальных учреждениях, ее важнейшей составляющей была научно-организационная работа общественного характера.

Так, важнейшей частью жизни ученого стали труды в Русском физико-химическом обществе при Санкт-Петербургском университете. Общество, состоявшее в этот период из двух отделений – химического и физического, – каждое из которых фактически было автономно, объединяло лучшие научные силы города и страны в соответствующей науке³¹. Общество было создано в 1878 году путем объединения двух уже существовавших при университете организаций: Химического общества (учреждено в 1868 году по инициативе Д. И. Менделеева)³² и Физического общества (учреждено в 1872 году)³³. Занимали должность президента общества поочередно председатели двух его отделений³⁴. Общество существовало за счет субсидий университета, Политехнического института, Технологического института, Михайловской артиллерийской академии, Горного института и других высших учебных заведений России. На эти средства издавался печатный орган ЖРФХО (Журнал Русского физико-химического общества), который был единственным специальным печатным органом русских физиков и химиков³⁵.

А. Е. Фаворский стал членом РФХО вскоре после окончания университета, в 1883 году, и на протяжении десятилетий выполнял различные поручения общества. Самым значимым из них была редакторская работа. А. Е. Фаворский (об этом вспоминает и Татьяна Алексеевна) с 1901 года в течение почти сорока пяти лет руководил химическим отделом журнала общества (с 1931 года назывался Журналом общей химии). Благодаря инициативе общества в декабре 1907 года в Петербурге в стенах университета состоялся Менделеевский съезд по общей и прикладной химии, который собрал более тысячи участников; на заседаниях съезда было сделано более 150 докладов³⁶. Впоследствии такие съезды стали регулярными³⁷. Татьяна Алексеевна описывает послереволюционные менделеевские съезды, где ее отец также играл важную

57.

³⁰ Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1903 г. СПб., 1903. № 59. С. 101.³¹ См. материалы отчетов Санкт-Петербургского (Петроградского) университета: Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г... С. 86–100; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г... С. 137–153; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г... С. 197–200; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г... С. 190–206; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г... С. 194–207; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г... СПб., 1911. С. 222–231; и др.³² См., напр.: Волкова Т. Б. Русское физико-химическое общество и Петербургский – Ленинградский университет // Вестник ЛГУ 1950. № 5. С. 119–123.³³ См.: Чугаев Л. А. Русское физико-химическое общество // Наука и ее работники. 1922. № 1. С. 14–20.³⁴ Устав Русского физико-химического общества при Императорском С.-Петербургском университете // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9934. Л. 32 об. § 11.³⁵ История Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969 / отв. ред. В. В. Мавродин. Л., 1969. С. 122.³⁶ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. С. 199.³⁷ 275 лет. Санкт-Петербургский университет. Летопись 1724–1999 / сост. Г. Л. Соболев, И. Л. Тихонов, Г. А. Тишкин; под ред. Л. А. Вербицкой. СПб., 1999. С. 270.

роль. Особенную память оставил у Татьяны Алексеевны первый после окончания Гражданской войны съезд, проходивший в мае 1922 года в Петрограде, организацией которого занимались местные химики, в том числе и сама Татьяна Алексеевна.

Профессор дореволюционного университета – значительная общественная фигура не только в научном, но и в политическом смысле. В условиях университетской автономии второй половины XIX – начала XX века «профессорское сословие» являло собой особый слой интеллигенции, который в литературе иногда называют «сословием мандаринов». «Мандарины» – термин, введенный немецким историком и социологом Ф. Рингером относительно германской интеллектуальной и научной элиты Нового времени, претендующей не только на создание нового знания, научное лидерство, но и на общественное и политическое влияние. Очень быстро стало понятно, что этот термин применим не только к германской, но и к другим европейским научным элитам XIX – начала XX века. Не являлась исключением и Российская империя. Конечно, в большей степени претензии на политическое и идеологическое влияние выражали представители профессуры, относящийся к гуманитарным и социальным наукам. Из Петербургского университета это такие видные общественные (в том числе политические) деятели, как юристы Л. И. Петражицкий, Д.Д. Grimm, историки Н. И. Кареев, М. И. Ростовцев, социологи М. М. Ковалевский, П. А. Сорокин, филологи А. И. Соболевский, А. А. Шахматов и многие другие. Однако и среди естественников и математиков были фигуры, игравшие несомненную общественную роль – достаточно вспомнить имена И. М. Сеченова, А. С. Фаминцына, А. М. Бутлерова, Д. И. Менделеева. В отличие от перечисленных ученых, А. Е. Фаворский, конечно, не уделял столько времени общественной деятельности. Однако в целом его либеральные общественно-политические взгляды вполне совпадали со взглядами большинства «мандаринов». Конечно, в условиях российского государственно-крепостнического строя роль профессоров в политической сфере преувеличивать не стоит...

В литературе есть свидетельства обращения профессора к властям по поводу поддержки репрессированных по политическим мотивам студентов³⁸. В сентябре 1902 года А. Е. Фаворский оказался избранным в число кураторов естественного отделения физико-математического факультета (вместе с Д. П. Коноваловым, П. И. Броуновым, Н.Е. Введенским)³⁹. Комиссия кураторов играла существенную роль в организации системы студенческого самоуправления и была своеобразным центром политического диалога между радикальным студенчеством и либеральной профессурой⁴⁰.

Как известно, события 1905–1907 годов не только захватили университет, парализовав в нем учебную жизнь, но и сделали его одним из основных центров демонстраций, проходивших в столице⁴¹. Татьяна Алексеевна, вспоминая о революционной ситуации в университете, иронически пишет об «орателях» (митингующих), но не скрывает, что симпатии ее семьи, как и всего общества, были на их стороне. Вообще, с данного момента можно начать проследивать интереснейшую сюжетную линию повествования – важную для понимания такой актуальной темы, как власть и интеллигенция в России. Речь идет о самой Татьяне Алексеевне. Именно тогда, после разговора с Г.Ф.Ярцевым, она многое поняла: «...как бы завеса спала с глаз, я как бы воочию увидала тот мир произвола и насилия, о котором я и раньше слышала и знала, но теперь увидала хороших, честных людей, которых я уважала, ставших жертвой этого произвола. Я стала задумываться о том, что я буду делать, когда совсем кончу учиться, хотела делать какое-нибудь действительно полезное дело, мечтала достать какие-нибудь “политические” книги, познакомиться с политическими деятелями. Обо всем этом можно было только писать в моей

³⁸ Шостаковский М. Ф. Академик Алексей Евграфович Фаворский. М.; Л., 1953. С. 92–95.

³⁹ Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1902 г. СПб., 1903. № 58. С.75.

⁴⁰ Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи... С. 503–513.

⁴¹ См., напр.: Марголис Ю. Д. Петербургский университет 1905–1907 гг. в воспоминаниях современников // Новое о революции 1905–1907 гг. в России: межвуз. сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 18–27.

тетрадке, говорить об этом было не с кем, ни Липа, ни гимназические подруги для таких разговоров не подходили. Единственной, с кем я могла говорить на волновавшие меня темы, была Маргарита, хотя она сама и не принимала участия в революционной работе, у нее были знакомые среди социал-демократов». Впрочем, революционной деятельностью Татьяна Алексеевна так и не занялась, но, как и отец, сохраняла весьма скептическое отношение к власти. События же 1905–1907 годов отблесками и зарницами мерцали где-то в параллельном мире...

Между тем эти события привели к устранению ограничений университетской автономии, установленной уставом 1884 года, в частности к восстановлению системы выборов должностных лиц университета, в том числе ректора. В сентябре 1905 года сравнительно молодой А. Е. Фаворский в числе ряда других профессоров предпринял попытку побороться за позицию ректора университета. Выборы, в которых приняло участие 14 кандидатов, проходили по сложной схеме в два этапа – рейтинговым голосованием. На втором этапе А. Е. Фаворский занял третье место (30 избирательных, 38 неизбирательных шаров), что свидетельствовало о его высокой популярности в корпорации. Победил же коллега А. Е. Фаворского по факультету профессор И. И. Боргман: 40 голосов – за, 28 – против⁴².

Нужно отметить, что во время революции А. Е. Фаворский примкнул к группе так называемой левой профессуры, которую, впрочем, составляло большинство активных членов профессорской коллегии. Группа образовала своеобразное политическое ядро совета, которое проводило совещания перед его официальными заседаниями. На этих совещаниях неформально согласовывались основные решения по вопросам общественной и кадровой политики университета, выборов на различные университетские и общественные позиции: членов советской комиссии, профессорского университетского суда, различных комиссий, коллегии выборщиков в Государственный совет. То, что А. Е. Фаворский пользовался доверием корпорации, показывает и целый ряд голосований, связанных с выборами на различные административные должности. Так, с сентября 1905 года А. Е. Фаворский стал членом полулегальной Советской комиссии – органа, не предусмотренного никакими уставами и правилами, но обладавшего всей полнотой власти в университете в 1905–1914 годах⁴³. В 1907 году А. Е. Фаворский избран кандидатом, в 1908 году – членом, а в 1911 году – председателем профессорского дисциплинарного суда⁴⁴, органа, имевшего в условиях революционной ситуации в университете большое общественно-политическое значение и стоявшего скорее на стороне студентов, чем власти, защищавшего «автономию университета»⁴⁵.

Университетскому суду приходилось разбирать самые разные дела – от кражи книг в библиотеке до травли в студенческом общежитии. Значительную долю дел составляли так называемые политические дела. А. Е. Фаворский, который сам в свое время проходил подобный процесс в качестве обвиняемого, всячески способствовал оправданию революционно настроенных студентов. Об отношении А. Е. Фаворского к политическим практикам в стенах университета ярко свидетельствует дело студента А. Нестерова (члена академической корпорации)⁴⁶.

В числе других политически активных профессоров А. Е. Фаворский принимает участие в обсуждении вопросов, касавшихся нового университетского устава, разрабатываемого мини-

⁴² Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1905 г. СПб., 1906. № 61. С. 78–79.

⁴³ Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1907 г. СПб., 1908. № 63. С. 86–87; Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1908 г. СПб., 1909. № 64. С. 257.

⁴⁴ Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1907 г. С. 335; Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1908 г. С. 250–259; Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1911 год. № 67. СПб., 1913. С. 216.

⁴⁵ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. П. Золотарева. Л., 1990. С. 244.

⁴⁶ Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1913 г. № 69. Пг., 1915. С. 114.

стерством П. М. фон Кауфмана⁴⁷. Важнейшим общественным свершением А. Е. Фаворского и В. Е. Тищенко стала организация музея Д. И. Менделеева, настоящий культ которого стал формироваться еще при жизни великого ученого. После его кончины по инициативе участников РФХО, учеников и бывших коллег был поднят вопрос об открытии Менделеевского музея. Представление бывших коллег ученого о выделении средств на организацию музея было составлено прочувствованно и патетически: «Для оценки личности и деятельности великих умов, сошедших в могилу, становятся важны не только их печатные труды, неизданные рукописи, письма, заметки, но даже мелкие подробности личной жизни и домашней обстановки»⁴⁸. В отличие от большинства деятелей эпохи, образ Д. И. Менделеева, сформированный в массовом сознании, уже в начале посмертной судьбы ученого носил консенсусный характер – в качестве положительного персонажа и великого ученого он был органично вписан в различные версии российской истории (впоследствии эта тенденция только укрепилась). В этом смысле интересы власти, либеральной общественности и университета редким образом совпали. С высочайшего одобрения с подачи премьера П. А. Столыпина на организацию музея и покупку библиотеки у наследников ученого в обход обычного порядка выделения государственных кредитов в кратчайшие сроки было найдено финансирование⁴⁹. Первыми посетителями музея в декабре 1911 года стали участники II Менделеевского съезда (А. Е. Фаворский был его вице-председателем). Менделеевскому музею в числе немногих университетских центров удалось пережить революцию и Гражданскую войну и достичь наибольшего расцвета в советское время⁵⁰.

Завершение организации музея Менделеева проходило уже на фоне «кризиса Кассо»⁵¹. Суть его заключалась в противостоянии нового министра Л. А. Кассо и высших учебных заведений империи. В октябре 1911 года, когда шел поиск новых кадровых комбинаций, кандидатура А. Е. Фаворского как известного ученого, умелого администратора и умеренного либерала, приемлемого как для власти, так и для корпорации, вновь оказалась в центре внимания. Протоколы университетского совета лишь отчасти маскируют очевидное соперничество за пост ректора, которое развернулось между двумя лидерами «левой группы» – А. Е. Фаворским и В. М. Шимкевичем. В ходе предвыборной борьбы первый получил 25 голосов, а второй – 15. На следующем заседании собрания, на которое В. М. Шимкевич не явился, была проведена баллотировка избранных кандидатов.

В. М. Шимкевич получил 25 избирательных шаров, 20 неизбирательных, А. Е. Фаворский получил 37 избирательных, 7 неизбирательных. Таким образом, А. Е. Фаворский оказался избранным на должность ректора.

Однако профессор с этим решением совета не согласился, заявив, что он «ввиду целого ряда соображений и основательных причин от должности ректора отказывается, на отказ свой просит товарищей не сетовать и сделанное заявление о том просит считать окончательным»⁵².

⁴⁷ Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1908 г. С. 10.

⁴⁸ Попечитель С.-Петербургского учебного округа – министру народного просвещения, 30 января 1910, № 2092 // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 671. Л. 7.

⁴⁹ Председатель Совета министров – Министру народного просвещения, 21 января 1910 г., № 379 // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 671. Л. 1–1 об.; Председатель Совета министров – Министру народного просвещения, 13 февраля 1910 г., № 861 // Там же. Л. 17; Министр народного просвещения – Председателю Совета министров, 17 февраля 1910 г. № 4528 // Там же. Л. 15–16; Министр финансов – Министру народного просвещения // Там же. Л. 23; Протокол заседания правления Императорского С.-Петербургского университета, 10 февраля 1911 г., № 6 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 13414. Л. 80 об.-81; Протокол заседания правления Императорского С.-Петербургского университета, 24 февраля 1911 г., № 7 // Там же. Л. 99 об.-100.

⁵⁰ См.: Макареня А. А., Филимонова И. Н. Д. И. Менделеев и Петербургский университет. Л., 1969. С. 98–107.

⁵¹ Барinov Д. А. Кризис высшей школы 1911 г. в фокусе историографии // Клиo. 2017. № 10. С. 106–117.

⁵² См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 октября 1911 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. С. 159–162; Протокол заседания Совета СПб. университета. 10 октября 1911 г. // Там же. С. 163–166; Протокол заседания Совета СПб. университета. 17 октября 1911 г. // Там же. С. 167–169; Протокол заседания Совета СПб. университета. 20 октября 1911 г. // Там же. С. 171; Протокол заседания Совета СПб. университета.

После отказа победителя выборов пост ректора было предложено занять В. М. Шимкевичу. Впрочем, в новых условиях он также не мог принять эту должность. В итоге «левой группе» профессоров пришлось вернуться к своим старым административным кадрам из числа гуманитариев. 26 октября 1911 года на должность ректора был избран профессор-историк Э.Д. Гримм⁵³, оказавшийся последним ректором дореволюционного университета. Кстати, проректором университета в октябре 1912 года был избран многократно упоминающийся родственник и коллега А. Е. Фаворского В. Е. Тищенко⁵⁴.

Вероятно, Татьяна Алексеевна оставалась в стороне от этих административных коллизий, связанных с карьерой отца. Основное внимание ее, конечно же, привлекают важнейшие события жизни семьи, предопределившие и ее собственную судьбу. В 1908 году уходит из жизни Наталья Павловна – первая жена ученого, мать Татьяны Алексеевны, долго болевшая чахоткой. Для Татьяны Алексеевны это одно из самых трагических воспоминаний. В 1910 году Алексей Евграфович женился во второй раз, на своей бывшей студентке Высших женских курсов Марии Маркеловне Домбровой, с которой Татьяна Алексеевна была в теплых, дружеских отношениях. От этого союза родились две дочери (Ирина и Марина) и сын (Алексей), описание жизненного пути, учебы, научной карьеры которых занимает немало места на страницах книги.

В 1913 г. профессор А. Е. Фаворский, отслужив по учебной части тридцать лет, получил право на пенсию с выплатой полного профессорского оклада, что открывало перед ним перспективы спокойной работы по собственному научно-исследовательскому плану. Но внешние обстоятельства не дали им реализоваться. Грянула Первая мировая война, ставшая началом серии социальных катаклизмов, которые вместе со страной пришлось пережить и семье Фаворских. Первая трагедия, которую испытала Татьяна Алексеевна, – гибель в ноябре 1914 года на фронте двоюродного брата – «милого... Андрюши» Тищенко, с которым она была очень близка и который первым из университетской корпорации стал жертвой этой войны. А. В. Тищенко был оставлен на кафедре русской истории, являлся учеником известного историка и археолога А. А. Спицына. В последний путь сына проректора провожал весь университет – это событие освещалось в прессе⁵⁵, и в воспоминаниях похороны А. В. Тищенко описаны подробно.

Татьяна Алексеевна очень кратко описывает работу отца на оборону – в частности, о его участии в «каких-то комиссиях, связанных с оборонными работами», о том, что даже летом он должен был время от времени ездить в Петербург на заседания, а также упоминает, что часть работ велась в лаборатории Военно-химического комитета Русского физико-химического общества. О работе А. Е. Фаворского в Военно-химическом комитете также кратко пишет в своей книге один из учеников ученого – М. Ф. Шостаковский⁵⁶, а затем и сама Татьяна Алексеевна⁵⁷. Между тем эта деятельность примечательна, с нашей точки зрения, как пример патриотической самоорганизации русских ученых в сложное для страны время. Упомянутая работа профессора проходила в Физико-химическом обществе при Петроградском университете (РФХО), ставшем той организацией российского научного сообщества, которой пришлось дать ответ на вызов военного времени, связанный с появлением химического оружия⁵⁸. Именно ученые – специалисты в области естественных и технических наук «брали на себя инициативу ускоренного поиска решения возникших проблем, преодолевая бюрократическую косность чиновников и находя понятные промышленникам доводы об исключительной экономической

24 октября 1911 г. // Там же. С. 209.

⁵³ Там же. С. 211–212.

⁵⁴ Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г. СПб., 1913. С. 138–140.

⁵⁵ Похороны героя // Биржевые ведомости. 1914. 25-го ноября (8-го декабря). № 14516. С. 4.

⁵⁶ Шостаковский М. Ф. Академик Алексей Евграфович Фаворский. 1953. С. 90–91.

⁵⁷ Фаворская Г. А. Алексей Евграфович Фаворский (1860–1945). С. 235.

⁵⁸ См. подробнее: Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В. Мобилизация интеллекта и отравляющие газы: к истории науки в Петроградском университете в период I Мировой войны // Клио. 2016. № 8. С. 40–48.

выгоде от скорейшего внедрения новых технологий, важных для обороны страны»⁵⁹. В этом контексте и следует рассматривать вклад в работу по созданию и производству химических веществ, который внес Военно-химический комитет при РФХО при Петроградском университете.

Первоначальным ядром для образования комитета послужила группа петроградских химиков, принимавшая участие в Комиссии по заготовлению удушающих средств по приглашению ее председателя, генерал-майора И. А. Крылова. В сентябре 1915 г. Совет РФХО вошел в Особое совещание по обороне с ходатайством об отпуске средств для организации Военно-химического комитета. Также было озвучено пожелание об организации опытного завода, «на котором можно было бы после лабораторных исследований испытать в малом заводском масштабе выработанные методы получения нужных для военного дела химических продуктов»⁶⁰. Всего в состав комитета входило 106 членов, включая практически всех сотрудников кафедры химии физико-математического факультета Петроградского университета. Общее наблюдение за делами Комитета лежало на делопроизводителе, которым был назначен профессор университета Л. А. Чугаев⁶¹. Заседания проходили в основном в здании химической лаборатории университета или в химической лаборатории Горного института⁶².

В сферу занятий комитета входил разнообразный круг научных и военно-технических вопросов, связанных с разработкой удушающих и взрывчатых веществ, производством различных химических препаратов, учетом наличности и запаса месторождений сырых материалов и т. п. Важным пунктом обсуждений комитета была перестройка, наладка и эксплуатация Опытного завода⁶³. Для его оборудования в конце января 1916 года комитету было предоставлено помещение на угольном заводе второго казенного винного склада на Ватном острове. На заводе осуществлялось производство удушающих веществ, в разработке которых активнейшее участие принимали ученые Петроградского университета. В частности, там было налажено производство хлорпикрина из ацетона, подготовительная лабораторная работа по которому была выполнена в университетской лаборатории Л. А. Чугаева⁶⁴. В университетской лаборатории органической химии профессора А. Е. Фаворского проводились подготовительные работы для получения фосгена «из четыреххлористого углерода и олеума с утилизацией хлорсульфоновой кислоты для получения удушающих средств»⁶⁵.

Начиная со второй половины 1916 года Военно-химический комитет обратился к проблеме перевода химической промышленности на мирные рельсы. Комитет подчеркивал, что уже с первых шагов своей деятельности он, «имея в виду прежде всего обслуживать стоящие на очереди нужды армии и флота, не терял из виду и других задач, более отдаленных, но зато еще более обширных и заманчивых, – задач, разрешение которых было рассчитано на мирное время»⁶⁶. В первую очередь речь шла о медикаментах, вкусовых веществах, красках и т. п. Таким образом, всего за несколько лет существования комитет превратился из добровольной организации ученых-химиков, стремящихся помочь страдающей от тягот войны стране, в постоянное государственное учреждение – ГИПХ (Государственный институт при-

⁵⁹ Колчинский Э. И. Первая Мировая война и некоторые векторы трансформации науки в Германии и России // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб., 2007. С. 12.

⁶⁰ Ипатьев В. Н. Жизнь одного химика. Воспоминания. Нью-Йорк, 1945. Т. 1: 1867–1917. С. 496.

⁶¹ Отчет о деятельности Военно-химического комитета при отделении химии Русского физико-химического общества с 2-го октября 1915 г. по 1 сентября 1916 года // ЦГИА СПб. Ф. 974. Он. 1. Д. 28. Л. 12 об.

⁶² Результаты пленарных заседаний, 1915 г. // ЦГИА СПб. Ф. 974 Он. 1. Д. 6.

⁶³ Отчет о деятельности Военно-химического комитета при отделении химии Русского физико-химического общества с 2-го октября 1915 г. по 1 сентября 1916 года. Л. 10 об.

⁶⁴ Отчет о деятельности Военно-химического комитета при отделении химии Русского физико-химического общества с 2-го октября 1915 г. по 1 сентября 1916 года. Л. 14.

⁶⁵ Там же. Л. 14 об.

⁶⁶ Объяснительная записка к проекту устава Института прикладной химии // Там же. Л. 16.

кладной химии)⁶⁷. Разумеется, эффективность таких научно-технических центров снижалась в условиях отсутствия четкой системы и планов управления военно-химической отраслью со стороны государства, но это обстоятельство скорее отражало общие трудности, связанные с мобилизацией промышленности в годы войны⁶⁸. Однако не вызывает сомнений, что деятельность Военно-технического комитета показала способность российских ученых к эффективной работе, направленной на решение государственных задач⁶⁹.

Что же касается воспоминаний Татьяны Алексеевны, то в них содержатся уникальные сведения о работе и атмосфере одного из госпиталей, открытых во время войны в университете. Напомним, что для медицинских нужд университет предоставил четыре помещения в комплексе на Васильевском острове (там были организованы лазареты на 466 кроватей), попечителями которых выступали профессора университета. В управлении лазаретами принимали участие также жены профессоров и приват-доцентов университета⁷⁰. Татьяна Алексеевна поступила на работу (без оплаты) медсестрой в лазарет, размещенный в актовом зале университета. Ее яркий рассказ о работе врачей и младшего персонала госпиталя, пациентах, проводимых операциях – единственное известное нам подробное описание больничной жизни в стенах университета этого периода.

Татьяна Алексеевна закончила Высшие женские курсы еще в 1914 году, а в 1916 году сдала экзамены университетской государственной комиссии, получив соответствующий диплом. С сентября 1916 года по настоянию отца Татьяна Алексеевна начала трудиться в лаборатории завода по производству оптического стекла под руководством И. Л. Гребенщикова. Здесь и застала ее Февральская революция, которая первоначально мало повлияла на налаженный жизненный уклад всей семьи Фаворских. Вот что пишет Татьяна Алексеевна: «после Февральской революции на заводе у нас мало что изменилось», правда, «все были рады свержению самодержавного строя, отречению царя Михаила». Это была всеобщая эйфория. В заявлении совета профессоров университета, принятом единогласно 3 марта 1917 года, говорилось: «... довести до сведения Временного правительства, опирающегося на полную поддержку народа и армии, чьими героическими усилиями навсегда опрокинут старый порядок, что в этот ответственный момент, переживаемый родиной, Совет считает своим долгом предоставить в полное распоряжение Временного правительства все свои силы, дабы способствовать прочному насаждению нового порядка»⁷¹. Но, как и предрекали пожилые и опытные люди, впереди ждали серьезные проблемы с транспортом, питанием и прочим.

На этом печальном фоне как-то незаметно прошла Октябрьская революция, но захватившие власть большевики вызывали ненависть ученого сословия. В данном отношении показательны слова Татьяны Алексеевны, относящиеся к 1919 году: «Как я ненавидела тогда большевиков, виновников разрухи и голода, неотвратимой гибели, медленно, но верно приближавшейся к нам! Могу только сказать, что, несмотря ни на что, я всегда работала добросовестно, одинаково охотно занималась с любыми студентами, рада была успехам любого пролетарского юноши или девушки, но правителей наших в то время я ненавидела, не кого-то

⁶⁷ Залыцберг М. Три жизни академика В.Н. Ипатьева // Химия и жизнь. 1992. № 12. С. 18.

⁶⁸ Brooks N. Munitions, the Military, and Chemistry in Russia // Frontline and Factory: Comparative Perspectives on the Chemical Industry at War, 1914–1924 / eds R. Macleod and J. A. Johnson. Dordrecht, 2006. P. 75–101.

⁶⁹ См. подробнее: Ростовец Е. А., Сидорчук И. В. Мобилизация интеллекта и отравляющие газы... С. 40–48.

⁷⁰ См.: Очерк деятельности Петроградского городского комитета Всероссийского союза городов. Пг., 1916. Вып. I. С. 88–89; Всероссийский Союз городов. Справочная книжка Петроградского городского и областного комитетов. Пг., 1916. С. 116, 117, 119; Высшие учебные заведения в 1914 г. [Всепопданнейшая докладная записка министра народного просвещения о деятельности высших учебных заведений в 1914] // РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 170. Л. 3; Отношение к настоящей войне // Отчет о состоянии и деятельности Императорского Петроградского университета за 1914 г. Пг., 1915. С. 91–93.

⁷¹ Протокол экстренного заседания Совета Петроградского университета 3-го марта 1917 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 30–30 об. Ср.: Konecny P. Builders and Deserters: Students, State and Community in Leningrad, 1917–1941. Montreal, 1999. P. 40.

конкретно, а большевиков вообще. Никаких достижений, ничего хорошего, за что их можно было бы похвалить, мне пока не было видно, а горе и несчастья, которые они несли не только мне, но и многим другим, я замечала на каждом шагу. Всего тяжелее был, конечно, голод». Действительно, большинство университетских преподавателей и научных сотрудников относили к третьей продовольственной категории, что обрекало их на голодание. В декабре 1919 года совет Петроградского университета поручает президиуму довести «до сведения высшей власти», что из-за сложившихся условий жизни ученые «вымирают»⁷². Эти слова не являлись образным преувеличением. Уже к 1920 году из жизни ушло около сорока человек из числа преподавательского состава: академики М. А. Дьяконов, А. С. Лаппо-Данилевский, Б.А.Тураев, А. А. Шахматов, профессора А. А. Иностранцев, А. А. Жуковский, Л.В.Ходский, И. М. Волков, Н.Н. Розин, Х. Я. Гоби, В. М. Гессен, Я. И. Смирнов, О. О. Розенберг, П. О. Сомов и многие другие⁷³. Как писал одному из своих корреспондентов профессор Н. Н. Глубоковский в марте 1920 года, «Университет частью разбегается, а еще более того вымирает “пачками” (иногда до 7–8 человек разом)»⁷⁴. В начале 1920 года ректор В. М. Шимкевич с болью сообщает в Комиссию по улучшению быта ученых о гибели коллег, о том, что ввиду условий питания «состояние здоровья многих профессоров таково, что в ближайшем будущем надо ожидать дальнейшей убыли». Ректор рассказывает о том, что «некоторые преподаватели физико-математического факультета уже давно едят мясо “лабораторных мучеников”, т. е. собак и кошек, использованных для научных и учебных целей», однако подчеркивает, что «таких счастливых, которые это могут делать, очень немного». В. М. Шимкевич констатирует, что «нельзя не отметить и роста в ученой среде полного индифферентизма к своей личной судьбе, приводящего к нежеланию бороться за жизнь и даже к потере желания жить»⁷⁵. Татьяна Алексеевна описывает действия, которые Фаворские предпринимали, для того чтобы выжить – среди них организация огорода на лужайке рядом со зданиями Кадетского корпуса, но главное – эвакуация Марии Маркеловны с маленькими детьми в деревню Усадищи (более 100 километров от Петрограда), где они прожили с 1919 по 1922 год.

Несмотря на голод, красный террор, гибель близких, работа в университете и других научных учреждениях не замирала. Ученые старались продолжать поддерживать дорогие им институты и традиции. В воспоминаниях есть любопытная зарисовка празднования столетия университета⁷⁶: «В феврале 1919 г. по старому стилю было очень скромно отмечено столетие со дня основания Петербургского (Петроградского) университета. Народу собралось немного, в зале было холодно, сидели в шубах. Многие уехали из Петрограда, некоторые жили настолько плохо, что относились ко всему безразлично, интересовались лишь разговорами о продовольствии. Мы с отцом, конечно, были». Интересно сравнить эту запись с показаниями другого источника – дневника жены профессора русской истории С. Ф. Платонова Надежды Николаевны Платоновой (Шамониной): «Вчера, сегодня и завтра – юбилейные дни здешнего Ун[иверсите]та; завтра – начало Масленицы – в нормальное время какие бы это были торжествен-

⁷² Ректор Петроградского университета – в Объединенный совет научных учреждений и высших учебных заведений, в комиссариат народного просвещения и Отдел научных учреждений и высших учебных заведений, 17 декабря 1919 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 116. Л. 45–45 об.

⁷³ Ректор Единого Петроградского университета – В отдел научных учреждений и высших учебных заведений, 13 декабря 1919, № 6189, копия // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 119. Л. 209–209 об.; Список скончавшихся из состава университета в последнее время лиц // Там же. Л. 260. См. также: Шилов А. В. Из истории Петроградского университета: судьбы ученых в послеоктябрьский период // Петербургские чтения – 97. 1997. С. 255.

⁷⁴ Цит. по: Богданова Т. А., Клементьев А. К. «Род ученых» не погибнет на свете» (переписка из двух столиц профессора Н.Н. Глубоковского и епископа Василия (Богдасhevского) 1917–1921 гг.). // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. № 3 (11). С. 134.

⁷⁵ Ректор Петроградского университета – в комиссию по улучшению быта ученых [1920. копия] // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 119. Л. 246–247 об.

⁷⁶ См.: Казакевич Р. А., Манделъ С. З. К истории столетнего юбилея университета // Очерки по истории Ленинградского университета. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. Т. 2. С. 159–166.

ные и радостные дни, а сейчас ничто на ум не идет. <...> Вчера в Ун[иверсите]т явился в довольно растерзанном виде Луначарский, сидел в первом ряду... и произнес речь: для всякого правительства, даже для теперешнего, Унив[ерсите]т представляет большую ценность, п[отому] ч[то] наука нужна народу, и т. д. И ему аплодировали не только в зале, но и на эстраде, среди профессоров кое-кто – это при всем известном презрительном, совершенно недопустимом отношении Л[уначарско]го к профессорам»⁷⁷.

Скорее всего, и Фаворские не аплодировали советскому наркному просвещения. Но так же, как, кстати, и С. Ф. Платонов, их семья активно включилась в сотрудничество с новой властью. Как пишет Татьяна Алексеевна, «советская власть не внушала доверия, а представители ее вызывали ненависть. Однако и от возвращения к власти буржуазных элементов тоже нельзя было ждать ничего хорошего. <...> Были, конечно, среди тогдашней интеллигенции люди, ждавшие прихода белых, но большинство было настроено подобно мне и честно работало. Не помню, кто-то из знакомых сказал тогда по поводу ничтожной зарплаты, которую тогда платили профессорам и преподавателям: “Только русская интеллигенция может так работать, ничего почти не получая за свою работу”». Это кредо российских ученых: режимы меняются, а наука остается – и ей надо служить! А через какое-то время и большевики стали вызывать определенные симпатии, особенно когда А. М. Горький уговорил В. И. Ленина вплотную заняться бытом ученых (версия Татьяны Алексеевны).

В 1919 году, как уже упоминалось, А. Е. Фаворский принял активное участие в организации Государственного научно-исследовательского института прикладной химии. Это был один из первых опытов масштабного сотрудничества старых ученых с советской властью, показавший в 1920-е годы блестящие результаты. 1920–1922 годы были переломными и в выборе дальнейшего пути для университетских ученых. Около четверти работавших в 1917 году преподавателей Петроградского университета сделали выбор в пользу эмиграции из страны (в своем абсолютном большинстве – специалисты в области гуманитарных и социальных наук)⁷⁸. Для А. Е. Фаворского такой вариант был категорически неприемлем. Как вспоминает Татьяна Алексеевна, знакомый купец «звал отца уехать в ним вместе в Новую Зеландию. Отец с негодованием отверг это предложение и сказал, что он никуда и никогда со своей Родиной не поедет».

В 1919 году началась трансформация структуры Петроградского университета, связанная с объединением вузов и факультетов, а также со всей структурой управления университетом. К 1922 году этот процесс привел к фактической ликвидации университетской автономии, университетская корпорация была поставлена под полный контроль нового режима. Эпоха «мандаринов» закончилась, время претензий профессорского сословия не только на собственную общественную политическую позицию, но и на управление университетом ушло, и вместе с тем поменялось и восприятие окружающего мира. Характерно воспоминание о похоронах В. И. Ленина, о котором в 1917 году в среде Фаворских говорили как об агенте, засланном немцами: «Настал январь 1924 года. День смерти Ленина, короткий зимний день, трескучий мороз. По всей стране в одну и ту же минуту замерла жизнь, остановилось движение... А потом жизнь пошла снова вперед, возобновилась работа, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Работали и мы, в лаборатории и дома, и время бежало все быстрее и быстрее». Фаворские видели свою задачу исключительно в профессиональной работе, дистанцируясь от обсуждения «внешних факторов», одним из которых стала организация приема по принципу социального происхождения и соответствующие чистки состава студенчества. Так, Татьяна Алексеевна вспоминает заседание совета университета в 1923/24 году, на котором она присутствовала: «...представители реакционной профессуры говорили, что самое большое зло – это то, что

⁷⁷ Дневник Н. Н. Платоновой. 9/22 февраля 1919 г. // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5699. Л. 4–4 об.

⁷⁸ Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В. Изгнанники «советского» университета: опыт коллективного портрета преподавательской эмиграции Петрограда // Вестник СПбГУ. Серия 2. 2016. Вып. 1. С. 64–75.

“им подменили аудиторию, кого они будут учить, кого готовить?” Мы об этом не думали и старались вложить начатки химических знаний во все различные головы, которые приходили к нам, желая их получить». В 1924 году А. Е. Фаворский входит в университетскую делегацию, отправившуюся просить денег на проведение научных исследований к Л. Д. Троцкому, который в итоге «очень помог».

Татьяна Алексеевна ярко описывает злоключения российской системы образования в связи с большевистским экспериментом. Фаворские должны были мириться с постоянными реформами в высшей школе, где «все время менялись методы преподавания: комплексный метод, Дальтон-план, бригадный метод». Отчасти спасало чувство юмора. Вот что пишет Татьяна Алексеевна о занятиях младшей сестры в Технологическом институте в 1929 году: «...экзамен был отменен, и изучали органическую химию путем очередного эксперимента – бригадным методом. В университете мы как-то избежали этого удовольствия». Провалившиеся реформы конца 1929–1930 года по созданию «Единого химического вуза» Татьяна Алексеевна описывает критически, особенно важным для нее было сохранить лабораторию отца в университете. 1929 год ознаменовался для Фаворских и позитивным событием, связанным с долгожданным избранием А. Е. Фаворского в Академию наук, которое, естественно, было предметом гордости Татьяны Алексеевны.

Вообще текст воспоминаний, относящийся к 1920–1940 годам, на наш взгляд, любопытен прежде всего с точки зрения роста тех же симпатий к большевикам, что, в свою очередь, вероятно, отражает процесс изменения мировоззрения «старой интеллигенции». Несмотря на постепенное восстановление материального достатка семьи в 1920-е годы, бытовой уклад заметно меняется. Церковные праздники год за годом теряют прежнее значение, зато появляется новый «октябрьский праздник», который отмечают даже в семейном кругу, но, самое главное, меняется восприятие правящей партии и советского строя.

Пожалуй, здесь в высшей степени показательны зарисовки, связанные с убийством лидера партийной организации Ленинграда: «Убит Киров! Убит выстрелом, чуть не в упор. Весь город кипел, негодовал, возмущался. Весь день шел народ к Таврическому дворцу, посмотреть в последний раз на любимого вождя, поклониться его праху. Шли рабочие, служащие, студенты, аспиранты. Лаборатория Алексея Евграфовича опустела в этот день, все аспиранты – Домнин, Назаров, Ирина и другие – все влились в общую процессию, в скорбном молчании идущую к Таврическому дворцу. Всю ночь шли с факелами представители заводов и учреждений. От университета в числе прочих шел Алеша [Фаворский] с Наташей Полевой. Трудно было поверить, что нет больше Кирова – “трибуна революции” – такого простого, доступного. Такого умного, так трезво разбирающегося в сложной современной обстановке, так серьезно и заботливо вникающего во все вопросы, с которыми к нему обращались. Человека большой души, любившего людей и которого любили люди. Алексей Евграфович искренно горевал о гибели Кирова. Такого человека трудно было опорочить, обвинить в каких-нибудь вымышленных преступлениях, за ним стояли народные массы, его можно было только убрать, и его убрали. На его место в Ленинграде поставили Жданова. Какая замена! Когда Университет обратился к нему с какой-то просьбой, он даже не счел нужным ответить на нее».

Что ж, Кирова страстно любили все ленинградцы! Гораздо труднее было разобраться в дальнейших «поворотах и изгибах» созревшего культа личности Сталина. Например, Татьяна Алексеевна так рассуждает о Московском процессе 1937 года: «мы хорошо бы отдохнули за несколько дней, проведенных на даче, если бы не чтение газет, в которых печатался процесс бывших вождей – Зиновьева, Каменева, Рыкова, Бухарина и других.

<...> С утра приносили газеты, и все сидели и читали двойные газетные листы, целиком заполненные описанием процесса, ответами подсудимых. Зиновьев, Каменев, Рыков – это еще было допустимо, но Бухарин – академик, известный своими трудами и своим умом, с которым Алексей Евграфович встречался на сессиях Академии, которого я видела своими глазами...

<...> Пусть Каменев, Зиновьев, о которых много писали плохого, пусть Рыков, который так много пил водки, что представление о нем было неотделимо от водки, которую в народе называли “рыковкой”, но Бухарин, Бухарин... Тяжело и неприятно было читать всю ту грязь, которой обливали подсудимых».

Страницы книги, посвященные временам культа личности, крайне интересны для понимания восприятия российской интеллигенцией этого страшного явления. Татьяна Алексеевна приводит некоторые имена репрессированных. Как известно, Ленинградский университет во времена большого террора (1936–1938) понес тяжелые утраты. Среди «врагов народа», арестованных (ряд из них затем был расстрелян) в эти годы, – профессора В. Р. Бурсиан, Ю.А. Крутков, П.Т. Соколов, П. И. Лукирский, В. К. Фредерикс, А. К. Дрезен, М. Д. Кокин, Г. Д. Карпеченко, С. М. Дубровский,

В. Н. Бенешевич и многие другие⁷⁹. Точный подсчет потерь, который понес университет в эти годы, еще следует провести. Татьяна Алексеевна, будучи очевидцем этих страшных событий, описывает ужасы режима, тотальный страх: «Народ уже давно привык молчать, боялся вслух высказывать свои мысли и только шепотом». Некоторые сведения уникальны, например о деяниях сталинских опричников, сравнимых с практикой нацистских концлагерей: «... многим арестованным, в том числе и Сереже, впрыскивали экстракт, выделяемый из органов животных, больных раком. Трудно поверить, что возможна была такая жестокость, но общая мрачная обстановка того времени была такова, что вряд ли можно сомневаться, что человек этот говорил правду». Интересно, что большевики при этом уже воспринимаются «своими». Татьяна Алексеевна, в частности, пишет об одной из жертв режима (В. П. Краузе): «Будучи студентом, он был вожаком студентов-химиков, пользовался у них большим авторитетом и уважением со стороны преподавателей. Очень энергичный и умный, убежденный коммунист, он представлял собой тип настоящего большевика и настоящего человека».

Татьяна Алексеевна Фаворская вспоминает: «Репрессии шли нарастающими темпами. Ширился круг лиц, исчезающих неведомо куда: члены правительства, академики, ученые, инженеры, учителя, рабочие, военные всех рангов, лица иностранного происхождения и прочие мирные граждане. Никто не был застрахован от того, что глухой ночью раздастся звонок, войдут три-четыре человека, велят собираться и увезут в недавно построенный Большой дом. И сколько за это время погибло людей! Не знаю, как это объяснить, но почему-то этот террор, эта неслыханная жестокость не ассоциировалась в умах людей лично со Сталиным. Представлялось, что это какая-то безликая сила творит все это зло, через выдвигаемых лиц вроде Ежова, Ягоды и других. Конечно, многое тогда скрывалось, никаких подробностей не доходило до широкой публики, только слухи, намеки, тревожные рассказы об арестах, о том, что творится в Большом доме на Литейном. Слишком много писали тогда о Сталине в газетах, журналах, изображали в театрах и кино всенародную любовь и преклонение перед гениальным вождем народа, чтобы люди могли здраво ассоциировать творившееся жуткое беззаконие с личностью человека, окруженного таким ореолом славы и любви».

Извечный русский вопрос «Кто виноват?» так и остался без ответа, зато остался страх... Уже после «оттепели» она писала: «...до сих пор мне делается не по себе, когда я слышу на улице или в общественном месте “вольные” разговоры».

Что касается самой Татьяны Алексеевны, А. Е. Фаворского и вступивших во взрослую и профессиональную жизнь в 1930-е годы его младших детей (Ирины, Марины и Алексея), репрессии их обошли стороной. После переезда Академии наук в Москву в 1934 году А. Е. Фаворский стал часто ездить в столицу – помимо собраний Академии, к этому его вынуждало директорство в Институте органической химии Академии наук. В 1940 году широко отмечалось восьмидесятилетие А. Е. Фаворского, весной следующего, 1941 года пожилой ученый

⁷⁹ 275 лет. Санкт-Петербургский университет. Летопись 1724–1999. С. 307-

получил Сталинскую премию за разработку методов синтеза изопренового каучука. Несмотря на суровое время, семья обрела внешнее благополучие – Ирина и Алексей были счастливы в браке, в семье появились внуки. Сама Татьяна Алексеевна увлеченно завершала работу над докторской диссертацией, Алексей и Ирина защитили кандидатские, Марина над ней работала. Глава рода Фаворских мог быть доволен как профессиональным признанием своего труда, так и достижениями своего семейства. Академик купил новую дачу в Луге, где все семейство могло собираться вместе. Существенным ударом для Фаворских стала почти одновременная кончина от рака старшего поколения семьи Тищенко в начале 1941 года – Елизаветы Евграфовны (урожденной Фаворской) и Вячеслава Евгеньевича. Однако полностью поломала налаженную уже, как казалось, жизнь война.

Воспоминания Татьяны Алексеевны о войне интересны описанием быта эвакуированной в Казахстан (Боровое) академической интеллигенции. Статус академика и лауреата Сталинской премии позволил А. Е. Фаворскому вывезти вместе с собой большинство женщин и детей своей большой семьи – как отмечает Татьяна Алексеевна, «в общей сложности нас должно было ехать десять человек: шестеро взрослых и четверо детей». Во время войны, несмотря на слабость, А. Е. Фаворский продолжал работать, создав вместе со своим учеником «балзам Фаворского – Шостаковского», применяемый при ожогах и ранах. Отдельные наблюдения Татьяны Алексеевны очень интересны и в литературе не встречаются. Например, предположение о том, что эвакуация из Ленинградского университета группы лиц, работавших на военную тематику, была не столько связана с ее государственным значением, сколько со стремлением университета «сохранить молодых, способных сотрудников». Текст Татьяны Алексеевны фиксирует драгоценные воспоминания всего военного поколения – например, выступления Сталина 6 ноября 1941 года, 9 мая 1945 года.

8 августа 1945 года не стало А. Е. Фаворского – для мемуариста это хотя и ожидаемое, но трагическое событие. Однако, разумеется, после смерти отца жизнь не остановилась – Татьяна Алексеевна и ее сестры активно работали. Муж Ирины Никита Домнин бы назначен ректором. Но обстановка в стране была тяжелой: светлое ликование по поводу славной победы постепенно тонуло в повседневном болоте мрачного режима. «Послевоенное послевкусие» оказывалось весьма неприятным, что тонко передано в воспоминаниях: «Сколько страдало совершенно невинных людей. Снова начались аресты, снова люди исчезали неизвестно куда»; «Холодная война была в разгаре, иностранные контрразведки засылали диверсантов, пытались проникнуть в институты, заводы, лаборатории, где велись секретные работы, пытались вывести из строя, ликвидировать ведущих ученых и практических работников»; «Опять разные лица объявлялись врагами народа, опять устраивались процессы, где в тяжелых преступлениях обвинялись группы лиц различных специальностей и национальностей: микробиологи, врачи, евреи и т. п. Пострадал и исчез с лица земли и председатель Госплана, известный экономист Н. А. Вознесенский. Вслед за ним был арестован и погиб его брат, наш ректор».

Воспоминания Татьяны Алексеевны вполне передают ту атмосферу, которая царила в обществе и Ленинградском университете послевоенного времени – борьба с космополитизмом, «факультетские дискуссии», «суды чести» над заслуженными профессорами, увольнения, аресты⁸⁰. Вообще, со смертью основного героя жизнь

⁸⁰ См., напр.: Агитпроп ЦК о положении в советской математической науке в связи с обвинениями в преклонении «многих математиков» перед «иностранщиной». 27.10.1948 // Сталин и космополитизм. Фонд А.Н. Яковлева. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69474> (дата обращения: 23.08.2018); Маркузе А. И., Гиммельштейн Е. Е. Дискуссия в Ленинградском Государственном университете о роли личности в истории // Вестник ЛГУ 1948. № 2. С. 167–171; Гиневичская Г. А. Биофак Ленинградского университета после сессии ВАСХНИЛ // Репрессированная наука / под общ. ред. проф. М. Г. Ярошевского. Л., 1991. С. 114–125; Чеснова Л. В. Ю. И. Полянский и биология в Ленинградском университете (20-60-е годы) // Там же. С. 212–222; Ганелин Р. Ш. О борьбе с космополитами в общественных науках в конце 1940-х – начале 1950-х годов // Уроки истории – уроки историка: сб. статей к 80-летию Ю. Д. Марголиса (1930–1996). СПб., 2012. С. 204–224; Гессен В. Ю., Дмитриев А. Л. Большой террор на политико-экономическом факультете Ленинградского университета в 1948–1950 гг.

Татьяны Алексеевны (и повествование воспоминаний) идет как бы по инерции. Своеобразным эпилогом служит описание национальных проводов и похорон «отца народов». Слова автора ярко показывают всю сложность тех образов и ощущений, которые она связывала с этой личностью. Татьяна Алексеевна описывает народную скорбь, радость наших врагов, желающих развала Советского государства, и одновременно надежды «честных людей», на то, что кошмар сталинизма закончится.

Воспоминания Татьяны Алексеевны Фаворской являются ценнейшим источником по истории Петербургского университета конца XIX – первой половины XX века. Без сомнения, он займет достойное место среди публикаций источников личного происхождения, принадлежащих университетским ученым той эпохи⁸¹. Это любопытнейший материал по истории России в целом, ее быту, нравам, культуре. Воспоминания будут интересны и специалистам-историкам, и историкам науки, и всем, кто неравнодушен к истории и культуре родной страны.

(по архивным документам и воспоминаниям) // Там же. С. 340–362; *Столяр А. Д.* Уроки гражданского мужества историков: научное содружество В. В. Мавродина и М. И. Артамонова (1937–1972) // Мавродинские чтения. 2008. СПб., 2009. С. 15–39; *Аль Д.* [Альниц Д. Н.] Шаги истории России из прошлого в будущее. СПб., 2007. С. 217–272; и др.

⁸¹ Ленинградский университет в воспоминаниях современников: в 3 т. / под ред. В. В. Мавродина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. Т. 2: Петербургский – Ленинградский университет. 1895–1917; *Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое; *Ковалевский М. М.* Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005; *Никольский Б. В.* Дневник. 1896–1918 / изд. подгот. Д. Н. Шилов и Ю. А. Кузьмин. СПб., 2015. Т. 1–2; *Сорокин П. А.* Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991; *Лосский Н. О.* Воспоминания: Жизнь и философский путь. СПб., 1994; *Гревс И. М.* За культуру. Воспоминания // Былое. 1918. № 12. С. 42–88; *Платонов С. Ф.* Автобиографическая записка // Академическое дело 1929–1931. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / отв. ред. В.П. Леонов; изд. подгот. В. П. Захаров, М. П. Лепехин, Э. А. Фомина. СПб., 1993. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. 256–288; Зоотомический кабинет (кафедра зоологии беспозвоночных) Санкт-Петербургского университета. К 140-летию со дня основания: сб. документов и воспоминаний / под ред. С. И. Фокина. М., 2011; Профессор Санкт-Петербургского университета А. А. Иностранцев / подгот. текста В. В. Аркадьева, коммент. В. А. Прозоровского, И. Л. Тихонова. СПб., 2014; и др.

Глава 1

Территории детства: папиного и моего (1890–1908)

1.1. Род Фаворских. Отец, его детство, родители и семья. Учеба в Санкт-Петербургском университете

Отец мой, Алексей Евграфович Фаворский, родился 20 февраля (4 марта) 1860 года в селе Павлове Нижегородской губернии, ныне город Павлово. Отец его, Евграф Андреевич Фаворский, был благочинным⁸² села Павлова, настоятелем Троицкого собора, главной церкви этого села. Женат он был на Марии Григорьевне Добронравовой. Ни фотографии, ни портрета Марии Григорьевны не сохранилось, но, по словам Алексея Евграфовича, она была красива. Особой близости с матерью у него не было, характер у нее был довольно тяжелый, резкий и частенько сварливый, особой ласки и нежности к детям она не проявляла. Отца своего Алексей Евграфович горячо любил и уважал. Это был спокойный, выдержанный, справедливый человек, строго исполнявший свой долг. Он был любим и уважаем своими прихожанами. В любую погоду зимой и летом по первому зову ехал он иногда в довольно отдаленные деревни, входившие в состав его прихода. Общась с прихожанами, он не только проповедовал им слово Божье, но и беседовал с ними об их делах и нуждах, любил слушать народные песни и былины, записывал их. Некоторые из этих былин он послал в Академию наук, за что и получил от нее «признательность».

Евграф Андреевич оставил после себя небольшую памятную книжку, в которой были записаны краткие биографические сведения обо всех его родных, начиная с деда, Федота Михайловича Епифанова, жившего с 1748 по 1807 год. Отец Евграфа, Андрей Федотович, тоже носил фамилию Епифанова, а самому Евграфу и брату его, Максиму, при поступлении их в духовное училище была дана фамилия Фаворских, которая и перешла к потомкам.

Предки моего отца были священниками, обучались сначала в духовном училище, а затем в семинарии. Первым членом семьи, изменившим духовному поприщу, был дядя его – Максим Андреевич, профессор Медико-хирургической академии в Петербурге. Евграф Андреевич довольно подробно описывает в своей памятной книжке жизненный путь своего знаменитого брата. Максим Андреевич был старше его на пятнадцать лет, жил с 1806 по 1867 год, тоже обучался в духовном училище и в семинарии. Но в священники не пошел, а поступил в Московский университет на медицинский факультет, окончив который работал сначала в московском Лефортовском госпитале, а потом перешел в петербургский Артиллерийский госпиталь. У него с детства в результате сильной простуды болели ноги, а после сделанной ему операции он остался хромым на всю жизнь. В петербургском климате болезнь его – ревматизм – значительно ухудшилась, и Максим Андреевич отправился лечиться на минеральные воды в Аахен. Лечение ему помогло, но, боясь возобновления болезни, Максим Андреевич не торопился возвращаться на родину, а отправился в Париж, где провел несколько лет, в том числе и «исторический 48-й год», как пишет Евграф Андреевич. В Париже пополнял свое медицинское образование, слушал лекции лучших профессоров.

Вернувшись на родину, он решил держать экзамен на степень доктора медицины и хирургии. Чтобы иметь достаточно времени для подготовки к экзамену и написания диссертации,

⁸² *Благочинный* – в православной церкви административная должность священника, при назначении на которую он становится одним из помощников епископа в части надзора за порядком в определенном церковном округе в составе епархии, называемым благочинием.

Максим Андреевич не поступил на государственную службу, а принял предложение нескольких донских помещиков, в том числе генерала Отечественной войны 1812 года Иловайского⁸³, об устройстве в их имениях больниц и обучении для них фельдшеров. Устроив больницы, обучив фельдшеров и написав диссертацию, Максим Андреевич вернулся в Петербург, сдал экзамен, защитил диссертацию и получил искомую степень. Став профессором оперативной хирургии Петербургской медико-хирургической академии, он продолжил углублять и совершенствовать свои знания и с этой целью ездил в каникулярное время в Берлин, Вену, Лондон. Скончался он от удара шестьдесят одного года от роду. Максим Андреевич не был женат и завещал свои сбережения брату, для того чтобы все дети могли получить образование. Похоронен он на Волковом кладбище. В одной ограде с Максимом Андреевичем похоронен и Евграф Андреевич. В 1876 году он приехал из Павлова в Петербург показаться врачам, но здесь и умер.

⁸³ Под такой фамилией известен ряд генералов и полковников – участников войн с Наполеоном. См.: *Сапожников А. И.* Войско Донское в наполеоновских войнах: кампании 1805–1807 гг. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2008. С. 280 и след.

Фото 1. Андрей Евграфович Фаворский

У Евграфа Андреевича было десять человек детей, из них предпоследним был мой отец. Старший сын – Андрей Евграфович – был на семнадцать лет старше Алексея Евграфовича (фото 1). В памятной книжке есть запись: «1843 года Декабря 10 дня в день моего Ангела, в час по полуночи родился первенец мой, нареченный в память незабвенного моего родителя Андреем». Окончив духовное училище, Андрей Евграфович поступил в Нижегородскую семинарию, но был исключен из богословского класса и стал гимназистом. По окончании гимназии поступил на юридический факультет Казанского университета, а потом перевелся в Петербургский университет тоже на юридический. Во время учения в Университете Андрей Евграфович жил на средства, которые посылал ему дядя, Максим Андреевич.

Фото 2. Антонин Евграфович Фаворский

Фото 3. Александр Евграфович Фаворский

Родившаяся после Андрея дочь Евпраксия умерла в младенчестве, после нее родилась дочь Енафа, а затем два сына: Антонин (фото 2) и Александр (фото 3). Енафа Евграфовна впоследствии вышла замуж за священника Александра Михайловича Прилежаева. Антонин Евграфович тоже вышел из духовного звания и был учителем в уездном училище в городе Сергаче. Александр Евграфович по окончании семинарии поступил в Медико-хирургическую академию, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов студентом пятого курса был послан на фронт и погиб там от тифа.

Родившегося после Александра сына родители назвали Аркадием, ребенок вскоре умер, а когда родился еще один сын, его опять назвали Аркадием. И этот Аркадий прожил немного более года. После этого родился еще один мальчик, опять был назван Аркадием и опять умер через полтора года. Когда после третьего Аркадия родился еще один сын, родители опять хотели назвать его Аркадием, но тут взмолился сын Александр: «Не называйте его Аркадием, а то он опять умрет!». Родители послушались и назвали мальчика Алексеем. Через три года после этого родилась последняя дочь – Елизавета.

Фото 4. Дом в Павлово

Несмотря на большую семью, Мария Григорьевна управлялась с хозяйством одна, только изредка на помощь приглашалась старуха-нянька Петровна. На более длительное время ее приглашали после рождения детей. Целый день топчется старушка по хозяйству, устанет, а вечером младшие ребята просят: «Няня, расскажи сказку». Рассказывает няня сказку, а у самой глаза слипаются, и вдруг вместо сказки раздается легкий храп. Только две сказки Петровны запомнил Алексей Евграфович – «Сказку про Фитюлюшку-батьюшку» и про «Лукшу и Першу» – и потом изредка рассказывал их мне.

Дом, в котором родился и вырос мой отец (фото 4) – бревенчатый, темный, двухэтажный, самой простой постройки, стоял на высоком берегу Оки, на круче. От дома Евграфа Андреевича шла довольно крутая дорога вниз к мосту через речку Тарку. По этой дороге зимой ребяташки катались на санках и на самодельных лыжах, это называлось «кататься от попа Евграфа». Около дома был небольшой сад и огород с самыми простыми овощами. В саду рос огромный вяз, а под его тенью была устроена небольшая дерновая скамья.

Уклад домашней жизни в семье Евграфа Андреевича был установлен раз и навсегда: строгое соблюдение постов, строго определенное время для обеда и ужина, за которыми должна была собираться вся семья. Когда дети подрастали, они должны были посещать церковные службы, мальчики пели при этом на клиросе. Посты соблюдали не только взрослые, но и дети. Самый тяжелый был великий пост, продолжавшийся семь недель, он был и самый строгий: за все семь недель только дважды было «разрешение вина и елея» (то есть масла). Еду составляли хлеб, квас, капуста, огурцы – ни молочного, ни рыбного не давали. Еду наливали в большую чашку и все по очереди опускали в нее свои ложки. Первым начинал есть глава семьи, если кто-нибудь из детей нарушал порядок, отец ударял его ложкой по лбу. В скоромные дни варили щи или лапшу с мясом, перед началом обеда Евграф Андреевич вынимал мясо из чашки, крошил его и складывал обратно в чашку; во время еды он следил, чтобы всем доставалось поровну. Рыбу ели главным образом соленую, которую запасали осенью на всю зиму. В детстве все кажется вкусным неизбалованному ребенку. Алексей Евграфович любил вспоми-

нать, как вкусно они ели, какая была в те времена жирная говядина, какие вкусные соленые судаки, какая рассыпчатая гречневая каша...

Так как три мальчика, три Аркадия, родившиеся перед Алексеем Евграфовичем, умерли один за другим, то у отца в своей семье не было сверстника. Дружнее всего он был с братом Александром, хотя тот был на семь лет старше. Каждый раз Алексей с нетерпением ждал приезда братьев из Нижнего Новгорода на каникулы. Однажды зимой, заслышав скрип подъезжающих саней, на которых приехали братья, он так крепко прижался лбом к оконному стеклу, желая поскорее увидеть приехавших, что раздавил стекло и глубоко порезал себе лоб над самым глазом. Чтобы остановить кровь и дезинфицировать рану, ему засыпали ее толченым углем, благодаря чему у него навсегда остался синеватый рубец, пересекавший бровь. Вообще, домашние лекарства, применявшиеся тогда, были довольно своеобразны. Ребятишки летом бегали босиком, и вот однажды Алексей бежал по мосту через Тарку и наткнулся большим пальцем на острый сук, торчавший из доски. Недолго думая, он приладил на место отворотившийся лоскут кожи, замотал тряпчочкой и побежал бегать и играть. Дня через два он почувствовал, что что-то щекочет ему палец под тряпкой. Когда он развязал ее, то увидел, что в ране ползают червячки. Он страшно испугался и побежал домой. Там ему промыли рану керосином, завязали чистой тряпкой, и все быстро прошло.

Ближе всех по возрасту к Алексею Евграфовичу была его младшая сестра, Елизавета Евграфовна, разница между ними была три года, но дружбы между ними не было. Отец предпочитал играть с мальчишками и лишь изредка снисходил до игры с сестрой и ее подругами, эти попытки общения обычно заканчивались для него плачевно. Так, например, однажды, в начале лета, отец предложил сестре съездить на лодке за Оку за щавелем и диким луком, в изобилии росшими на заливному берегу реки. Ему в это время было лет семь, сестре и ее подружке – года по четыре. Отыскав чей-то ботник (плоскодонную лодку), он усадил гостей и довольно успешно переправил их на ту сторону. Наевшись вдоволь щавеля и луку и набрав их про запас, путешественники отправились в обратный путь. За время довольно длительной стоянки старый ботник дал течь; несмотря на это, Алексей усадил девочек на скамейку и принялся храбро грести. Вода постепенно прибывала, пассажирки подняли крик и плач; когда ботник наконец причалил к берегу, все были по пояс мокрыми. Все в слезах, девочки побежали к матерям жаловаться, после чего отца постигла заслуженная кара. Обычно столь же печально кончались и другие попытки игры с сестрой: начав играть, отец очень скоро начинал ее тормошить, дразнить, она бежала к матери жаловаться, а та спешила его наказать, во-первых, как старшего, а во-вторых, потому, что младшая дочка была ее любимицей. Последнее, впрочем, вполне понятно: старшая дочь Енафа была уже замужем и жила в соседнем селе Копосове, и с матерью оставалась лишь младшая девочка, а ведь младших обычно больше балуют; к тому же считалось, что Елизавета Евграфовна похожа на мать (фото 5).

В те времена основным населением села Павлово были кустари, изготавливавшие всевозможные ножи и ножницы. Сами они жили очень бедно, так как сдавали свою продукцию за бесценок скупщикам. Среди их многочисленных босоногих ребятишек и нашел мой отец друзей детства. С одним из них, Михаилом Ляпуновым, он переписывался в течение всей своей жизни. Под его влиянием «Мишак Ляпунов» стал учиться, кончил учительскую семинарию и был сельским учителем. Своим детям он тоже дал образование, дочери его были учительницами, а сын – доцентом Педагогического института в Горьком, приезжал позже в Ленинград с целью поступления в аспирантуру в Академию педагогических наук.

Фото 5. Алексей и Елизавета Фаворские в детстве

Босоногая команда была настолько многочисленна, что оказалось возможным разбить ее на две армии, во главе которых находились два «императора», одним из них был Алексей. Вооруженные деревянными копьями и мечами и луками со стрелами, они устраивали настоящие сражения, объявляли войны, заключали мирные договоры. Во время перемирий они устраивали совместные набеги на чужие сады. В Павлове почти при каждом доме был хотя бы небольшой сад, но в своем саду родители не позволяли зря рвать вишни и яблоки, да, кроме того, известно, что запретный плод сладок. Такие экспедиции не всегда кончались благополучно: в богатых садах часто бывали караульщики, да и сами хозяева берегли свои сады. Дождавшись, чтобы все воришки перелезли через забор, хозяин, запасшись большим пучком

крапивы, принимался за охоту: поймав одного из них, он без церемоний спускал ему штаны, накладывал в них крапивы, застегивал их и отпускал, задав на прощание несколько увесистых шлепков. Однако такие неприятности не останавливали маленьких мародеров, их было много, всех не переловишь, а крупные черные горбатовские вишни сладкие, сочные яблоки так вкусны!

Но больше всего радости и развлечения доставляла летом река. Пока отец был маленький, ему разрешали купаться только в присутствии старших братьев. Но вот как-то за обедом родители узнали, что Алексей купался один. В ответ на грозные упреки, Алексей со слезами воскликнул: «Да ведь я умею плавать!» Все удивились, когда это он успел научиться, была составлена комиссия из старших братьев для проверки этого факта. Результаты проверки оказались благоприятными, на отца тогда махнули рукой, все равно его было не удержать, и он стал целыми днями пропадать на реке.

Весь берег Оки в Павлове был заставлен несколькими рядами плотов. Вот с этих-то плотов и происходило купанье, с них же удил рыбу. Сидит рыболов с удочкой, терпеливо следит за поплавком, а солнце печет, комары кусают голое тело. Нырнет тогда рыболов в реку, поплаывает, стонит всех комаров, выберется освеженный на плот – и опять за удочку. Впоследствии, когда отец вырос, укусы комаров на него совершенно не действовали, он объяснял это тем, что в детстве его так много кусали комары, что организм его выработал какое-то противоядие, и теперь ему никакой комар не страшен.

Как известно, рыба лучше всего клюет рано утром и на вечерней заре. Большой помехой вечернему уженью было обязательное посещение церковной службы, отец в этом отношении был неумолим – сыновья знали: как только раздадутся первые удары благовеста к вечерне, так сматывая удочки и беги в церковь. В один жаркий июльский вечер особенно хорошо клевали ерши. Но вот в тихом воздухе раздались первые удары колокола. Пора идти... «Подожду еще немножко, успею, уж очень хорошо клюет». В азарте удачной ловли Алексей не заметил, что колокол перестал звонить. Опоздал! Ну, теперь уж все равно наказания не избежать, торопиться некуда, можно еще поудить, и он удил до тех пор, пока совсем стемнело. Пробираясь в темноте по скользким бревнам плотов, он поскользнулся и упал в воду. Весь мокрый выбрался он на берег. Что теперь делать? Он не пришел в церковь, не пришел к ужину, весь вымок; в окнах темно, может быть уже легли спать и заперли дверь? Страшась наказания, голодный и мокрый, Алексей не решился идти домой, он прошел в сад, улегся на дерновую скамью, свернулся клубочком, чтобы немного согреться, и весь в слезах заснул.

Отец, конечно, заметил, что Алексея не было в церкви, сердитый пришел он домой, собирался как следует отчитать лентяя, но тот не явился и к ужину; стемнело, а его все нет и нет. Родители заволновались, послали к соседям узнать у ребят, где его последний раз видели. Узнав, что он удил на плотях, решили, что он упал в воду и утонул. Всю ночь не спали и плакали родные, а чуть свет решили собрать народ искать его тело, но вдруг смотрят – робко отворяется дверь и входит пропавший сын. «Алешенька!» – раздался общий радостный крик. Всеобщая радость была так велика, что Алексея так и не наказали.

Вообще же детей воспитывали строго, взыскивали за всякую вину. О больших провинностях докладывали отцу, и он чинил суд и расправу: или задавал виновному порку, или читал ему нравоучение. Алексей Евграфович всегда предпочитал первое. Когда же отец начинал его отчитывать, увещевать, простые прочувствованные слова хорошего, справедливого человека глубоко проникали в душу мальчика. Алексей очень любил отца, и сознание, что он огорчил его, было ему тяжело.

Но мальчишки есть мальчишки, что только не взбредет им в голову за длинный летний день, который они проводят без всякого надзора на улице или на реке. Одна из их проделок могла окончиться очень плохо, но, к счастью, не имела никаких последствий. Каждый год в конце августа в Павлово приходили баржи из Астрахани и других городов Нижнего Поволжья,

наполненные арбузами и дынями. Хоть они и были очень дешевы, детям редко удавалось ими лакомиться: матери были бережливы, и если покупали арбузы, то главным образом для того, чтобы солить их на зиму, а дыни вялили на солнце. Настал холерный год, бороться с этой болезнью по-настоящему еще не умели, но знали, что она передается через фрукты и всякую зелень. Власти распорядились запретить торговать с баржей арбузами; а баржи уже были нагружены и буксиры тащили их вверх по Волге и по Оке. Тогда вышло новое распоряжение: бросать весь груз арбузов и дынь в реку. Арбузы и дыни поплыли по рекам, некоторые прибывало течением к берегу, и они становились добычей мальчишек, но большая часть плыла по течению, и тут начиналась за ними охота.

Ребята уходили подальше от села, раздевались, входили в воду, подплывали к облюбованному арбузу или дыне и подталкивали их постепенно к берегу. В прибрежных кустах начинался пир; досыта наелись этим летом ребята запретными плодами, к счастью, это им благополучно сошло с рук.

Но не вечно лето. Наступает осень, дождь, грязь, сырость, босиком холодно, а до валенок еще далеко, кожаная обувь бережется для церкви. Приходится больше сидеть дома, придумывать себе занятия. Большим развлечением служили тогда Алексею Евграфовичу различные певчие птички, жившие у него в комнате. Тут были синички, снегири, зяблики, скворцы. Попадали они к нему различными путями: тут были выпавшие из гнезда птенчики, выросшие в доме и ставшие ручными, синичек он подкармливал, бросая разную еду через форточку на подоконник, они становились совсем ручными и сами залетали в дом через дверь или форточку. Для скворцов он уже ранней весной приделывал скворечники к старому вязу.

После смерти матери Марии Григорьевны, отец ее, Григорий Еремеевич Добронравов, поселился у дочери и прожил с ней и с зятем до самой смерти. У него был большой, толстый старый кот. Он был так стар и ленив, что совершенно не обращал внимания на птиц, свободно летавших по комнатам. По утрам, в солнечную погоду, кот любил лежать на полу, на который из окна светило солнце. Остальное время он проводил на печке. В феврале – марте больше бывает солнечных дней, и солнышко уже начинает пригревать. Раскинется кот, закроет глаза и нежится на солнце, а синичка тут как тут – дернет его за хвост и отлетит в сторону, а потом, расхрабившись, сядет коту на спину, упрется ножками и давай таскать клочки шерсти из его широкой спины. Шерсть она таскала даром: на большом фикусе она решила устроить себе гнездо. Любовь к птицам отец сохранил на всю жизнь, он хорошо их различал по голосу и по оперению, когда я была маленькой, у меня на окнах всегда стояли клетки с птицами, подаренные мне отцом.

Но и зимой не обходилось без шалостей и приключений. Старшая сестра отца, Енафа Евграфовна, была его крестной матерью. Она жила с мужем А. М. Прилежаевым в селе Колосове, в нескольких верстах от Павлова (фото 6). Отца как-то раз возили туда в гости, крестная ласково его принимала. И вот как-то зимой ему опять захотелось в Копосово, и так как никто из взрослых туда не собирался, он решил отправиться туда сам. Никому не сказавшись, после обеда он двинулся в путь. Он шел довольно долго, устал, стало темнеть; он сел отдохнуть в надежде, что кто-нибудь проедет мимо и подвезет его. Действительно, вскоре показалась лошадка с розвальнями, она тихонечко трусила рысцой, хозяин ее сидел закутавшись и дремал. Когда отец с криком «Дяденька, подвези!» бросился к саням, возница спросонья испугался, схватил кнут и давай настегивать лошадь, которая пустилась вскачь и вскоре исчезла из виду. Неудача совсем обескуражила отца; он устал, замерз, заливаясь слезами, уныло побрел дальше. Совсем стемнело, вспомнились волки, и стало страшно. Неизвестно чем бы кончилось его путешествие, если бы, к счастью, его не догнал А. М. Прилежаев, ездивший в Павлово и возвращавшийся домой. Он очень удивился и испугался, увидав Алешу: «Ты как сюда попал? Что здесь делаешь?» Алексей очень обрадовался неожиданной встрече, сразу повеселел и важно заявил: «Я к вам в гости иду». Александр Михайлович усадил гостя в сани, привез

в Копосово, отогрел, накормил и сейчас же повез его обратно, как ни хотелось отцу погостить подольше у крестной. Александр Михайлович легко себе представил тот переполох, который царил в доме у тестя, когда обнаружилась пропажа Алеши.

Фото 6. Енафа Евграфовна

Но вот незаметно промелькнуло счастливое детство, пора приниматься за учение. Самое начальное обучение происходило у Алексея своеобразно: его отдали учиться к «черничкам». Это были две сестры, пожилые девушки, ходившие всегда в черном, хорошо знавшие Священное Писание и церковнославянскую грамоту. За неимением в селе начальных школ родители, желавшие обучать своих детей грамоте, прибегали к помощи черничек. Каждое утро бежал Алеша на другой конец Павлова на уроки. Начали с букваря; каждая буква называлась по-славянски, а за ее названием следовало несколько слов, начинавшихся с этой же буквы. Все это нужно было учить наизусть. Вот начало этого букваря:

А – АЗ, ангел, ангельский, архангел, архангельский, апостол, апостольский;

Б – БУКИ, бог, божество, богородица;

В – ВЕДИ, Владыко, владычица.

И так далее все буквы алфавита. Каждое утро все ученики хором «повторяли зады», а потом учили кусочек нового. После букваря читали Псалтырь и другие священные книги.

Все старшие братья Алексея Евграфовича учились сначала в духовном училище, а потом в семинарии, условия жизни и обучения в этих учебных заведениях правдиво и красочно описал Н. Г. Помяловский в его «Очерках бursы». Братья Алексея Евграфовича испытали все прелести жизни «бурсаков», только последние годы, в старших классах, они жили на вольной квартире.

В 1867 году, как было сказано выше, умер Максим Андреевич Фаворский, и оставшиеся после него деньги решено было употребить на обучение двух младших детей – Алексея и Елизаветы – в гимназии. С семи до восьми лет Алексей обучался у черничек, а после них у дьячка Троицкого собора, который обучал его русской грамоте. Десяти лет его отвезли в Нижний и определили в подготовительный класс Нижегородской гимназии. Жить он стал с братьями в маленькой комнатке, которую они снимали у хозяйки. Антон кончал в то время учительскую семинарию, а Александр учился в последнем классе духовной семинарии. Братья хозяйничали сами: рано утром до занятий ходили на базар, варили щи и кашу. Главным поваром был Александр, отец был у него подручным. Какой вкусной казалась приготовленная собственноручно еда! Алексей Евграфович любил вспоминать, какую хорошую жирную говядину они покупали, какие наваристые были щи.

Что же касается преподавания, то в младших классах Нижегородской гимназии оно было поставлено достаточно плохо. Так, например, на уроках естественной истории учитель диктовал новый материал, который потом заучивали ученики. На уроках чистописания гимназистам давали списывать прописи, среди которых была, между прочим, такая фраза: «Талант питается хвалою». Учитель не потрудился объяснить малышам, что такое талант и как он может питаться хвалою. Алексей решил, что тут что-то напутано и написал: «Талант питается травой». На преподавание языков и математики обращали мало внимания. По немецкому языку он запомнил одно лишь стихотворение, которое учил в первом классе. Впоследствии он мог читать только научную литературу, и ту недостаточно свободно. Большого всего времени отводилось на преподавание латинского и – в старших классах – греческого языка.

Преподавание истории, географии, по-видимому, было неплохим. Отец на всю жизнь сохранил любовь к этим наукам, полученные им в гимназии знания прочно засели в его памяти. Из различных эпох истории больше всего времени отводилось на изучение древней истории, главным образом Греции и Рима, и русской истории. Когда я приступила к изучению истории Греции, отец подошел однажды к стоявшей в моей классной комнате черной доске, взял мел и с одного приема вычертил очертания Греции. В гимназии умение чертить карты Греции в целом и отдельных греческих государств, так же как и карту Рима, было обязательным. Алексей любил читать исторические романы, особенно Вальтера Скотта, жизнеописания великих

людей древности Плутарха. Любимые книги перечитывал по много раз и некоторые знал почти наизусть. В течение нескольких лет он выписывал журнал «Исторический вестник».

Географические названия сохранились у него в памяти до глубокой старости. Когда я начала изучать географию в гимназии, мы с ним часто проверяли друг друга: то начнем перечислять правые и левые притоки Волги, то острова в Средиземном море или в Тихом океане, вершины различных горных хребтов, и все он помнил и знал гораздо лучше меня. С древними языками был не в ладу; правда, ни разу не оставался из-за них на второй год, всегда подтягивался к экзаменам, не желая огорчать отца, но в памяти у него эти языки не оставляли следа, кроме некоторых общеизвестных латинских изречений. Евграф Андреевич умер, когда отцу было шестнадцать лет; на следующий год, в седьмом классе, он еще больше пренебрегал древними языками, учитель заявил, что он его обязательно оставит на второй год. Но тут, к счастью для Алексея, старший брат его Андрей был сослан в Вологду за участие в деятельности группы лиц, старавшихся улучшить жизнь павловских кустарей⁸⁴ организацией артели. Это должно было освободить их от тяжелой зависимости от скупщиков. История этого начинания описана В. Г. Короленко в «Павловских очерках». Алексей перевелся в Вологодскую гимназию и на следующий год благополучно ее окончил.

Лет через двадцать после этого он приехал в Нижний Новгород и встретил там упомянутого учителя латинского языка. Тот его узнал и снисходительно поздоровался с ним. «А, Фаворский, помню, помню, ты был старательным учеником, но способностей у тебя не было. Чем ты сейчас занимаешься?» – «Я сейчас живу в Петербурге, состою профессором Университета». – «Да?!» – глаза у учителя стали круглыми от удивления, и он ничего не мог больше сказать. Зато потом, как узнал отец, он всем своим знакомым рассказывал, что вот, мол, какой я учитель, мой ученик – профессор Университета.

После привольной жизни дома трудно было привыкать к суровой гимназической дисциплине – понятно, с каким нетерпением ожидалось наступление рождественских и летних каникул. От Павлово до Нижнего всего сто верст, но, кроме как на лошадях, других способов передвижения не было. Родители договаривались с кем-нибудь из павловских крестьян: нагрузив на розвальни тулупы и валенки, запрягали в розвальни лошадку, и путешествие начиналось.

Надевши валенки и закутавшись в тулупы, отправлялись братья в родное Павлово. Выезжали утром, к вечеру проезжали полпути и останавливались на ночлег на постоялом дворе. Проехать пятьдесят верст без остановки не шутка, не спасали и тулупы – мороз пробирал путешественников до костей. Но возница их, человек бывалый, чуть заметит, что кто-нибудь начинает замерзать, живо столкнет его с саней и начнет погонять лошадь. Хочешь не хочешь – беги, догоняй. Бежит мальчик, тулуп тяжелый, бежать трудно, пока догонит, даже пот прошибет. На постоялом дворе напьются горячего чаю, закусят присланными из дома припасами и улягутся спать на печи или на полатах. Изба полна народа, по дороге из Нижнего в Павлово и обратно всю зиму идут обозы с разными товарами, и постоялый двор, где останавливались мальчики, служил ночлегом и для извозчиков. Прежде чем заснуть, отец любил наблюдать, лежа на печи, как закусывают извозчики. Один ведерный самовар выпьют, другой требуют, а напившись чаю, начинают ужинать. В избе жарко, лица у всех красные, так и лоснятся. Затем укладываются спать на полу и на лавках. Ночью в избе такой воздух, что «хоть топор вешай», говорил отец. Утром, чуть свет, отправляются в дальнейший путь, не терпится скорее попасть домой.

Две недели промелькнули незаметно, пора собираться тем же порядком в обратный путь. Летние каникулы продолжались около двух месяцев. Когда Алексей стал постарше, он не сидел все лето в Павлове, а побывал во многих окрестных селах, в которых жили многочисленные родственники, бродил там по лугам и лесам, ловил рыбу и охотился. Среди родных было много

⁸⁴ *Кустарь* – тот, кто занимается штучным или мелкосерийным производством на дому или в небольших мастерских, ремесленник.

охотников, и еще мальчиком пристрастился он к охоте. Увлечение это сопровождало его до глубокой старости. Сначала он присутствовал на охоте старших в качестве зрителя или в лучшем случае заменял охотничью собаку, вытаскивая из камышей упавшую туда утку. Позднее он уже сам бродил с ружьем и собакой по просторам нижегородских лесов. Один из его родственников состоял лесничим в громадном казенном лесу, простиравшемся на многие десятки верст. Это лес Алексей посещал особенно охотно.

Дом, в котором жил лесничий, стоял в самой глубине леса, во все четыре стороны ближе сорока верст не было никакого жилья. Отец так часто рассказывал мне про него, что я до сих пор живо представляю себе этот небольшой домик, расположенный на зеленой полянке, со всех сторон окруженный лесными великанами. В домике так уютно, лесничий и его жена такие радушные, гостеприимные, так рады гостю. На столе сейчас же появляются соленые грибки, хлеб с маслом, молоко, душистый липовый мед в сотах, чудесная круглая лесная земляника, поет свою песню пузатый самовар. Как сладко спалось на сеновале, на свежем, душистом сене! А как много там было птиц! Певчие птички распевали с раннего утра до позднего вечера, когда со всех сторон слышалось пение соловьев; были там и совы, и филины, различные ястребы и коршуны парили над лесом, высматривая добычу. А сколько там было дичи перистой и четвероногой! На охоту обыкновенно уходили не на один день, ночевали у костра; эти ночевки в лесу доставляли отцу не меньше радости, чем сама охота. Многому научился он, бродя по лесам со старым охотником: голосам и повадкам лесных обитателей, умению разжигать костер и безошибочно находить дорогу. Леса здесь главным образом лиственные, ель и сосна встречаются редко. Но вскоре, навещая брата, Алексей хорошо познакомился и с вологодскими хвойными лесами. Здесь тоже сошелся со многими охотниками и вместе с ними не раз охотился.

Приехав на жилье в Вологду, брат Андрей поселился в доме Дубровиных, туда-то к нему и приехал отец вместе с младшей сестрой, Елизаветой, которая теперь перевелась в вологодскую гимназию.

Фото 7. Наталья Павловна Дубровина

Дом стоял на набережной реки, а напротив, на другом берегу, возвышался старинный Духов монастырь. Хотя Вологда и была губернским городом, но представляла собой небольшой, довольно захолустный городок. На письмах, которые писались обитателям дома Дубровиных, стоял такой адрес: «Вологда, дом Дубровиных, против Духова монастыря» – и все, этого было достаточно. В этом доме Алексей познакомился со своей будущей женой, моей матерью, Натальей Павловной Дубровиной (фото 7). Отец моей матери, Павел Константинович Дубровин⁸⁵, вырос в имении, расположенном недалеко от Вологды, под неусыпным надзором матери. Он очень рано лишился отца, кроме него, детей у его матери больше не было, она постоянно дрожала за его здоровье и вырастила его изнеженным, неприспособленным к жизни. Сама она

⁸⁵ Дубровин П. К. – в 1870–1887 гг. губернский гласный Сольвычегодского уезда, член Сольвычегодского уездного училищного совета от земства, член вологодской городской управы, мещанский староста вологодской мещанской управы, член вологодского сиротского суда.

была очень властная натура и, возможно, подавляла его индивидуальность. Она была неграмотна я, но обладала большим природным умом и большой житейской мудростью, впоследствии в семье сына она была главой дома и царила в нем как полновластная хозяйка. Кроме сына и невестки, все звали ее «бабинькой», я ее только под этим именем и знала, помню, что звали ее Елизаветой, а отчество ее забыла, я ее никогда не видала, но так много о ней слышала, что ясно себе ее представляю.

Павел Константинович женился на Олимпиаде Семеновне Паршаковой. «Бабинька» купила в Вологде дом напротив Духова монастыря и поселила в нем молодых. Павел Константинович стал работать в городской управе. У бабушки моей было восемь человек детей: старший сын, Константин Павлович, был талантливым художником, другом известного художника Константина Коровина⁸⁶. Он рано начал пить и умер довольно молодым. За ним следовала моя мать, потом дочь Ольга Павловна, которая потом вышла замуж за ветеринарного врача А. П. Крашенинникова. Следующей дочерью была Мария Павловна, она кончила бухгалтерские курсы. Замужем не была, и жила у нас с 1900 года до конца жизни. После нее родился сын Семен Павлович, врач, специалист по кожным болезням. Затем было две дочери – Елизавета Павловна и Александра Павловна, обе вышли замуж за ветеринарных врачей: А. А. Лебедева и В.П.Аляпринского. Самым последним был сын Николай, который умер еще маленьким.

Пожив некоторое время с сыном и невесткой, «бабинька» уехала обратно в имение. Когда дети немного подросли, мою мать и ее сестру Ольгу отправили жить в имение к «бабиньке», потом туда же отправили и Марию Павловну. Они прожили там несколько лет, пока не пришло время матери поступать в гимназию. Вместе с ними переехала в город и «бабинька». Скучая по любимому сыну и любимому внуку, «бабинька» решила постоянно жить в Вологде, поэтому она продала имение и переехала в город. Продав имение, она допустила большую ошибку. Для того чтобы быть гласным городской управы, нужно было иметь определенный имущественный ценз. Когда «бабинька» продала имение, дед лишился возможности работать в городской управе, где он общался с развитыми, культурными людьми, и принужден был перейти работать в уездную управу, где попал в плохую компанию малокультурных людей и вместе с ними начал пить.

⁸⁶ Коровин К. А. (1861–1939) – живописец, театральный художник, педагог и писатель.

Фото 8. Алексей Евграфович Фаворский

Дом бабинькин был бревенчатый, двухэтажный, простой постройки, около дома был двор и небольшой сад. Во дворе была баня. Второй этаж сдавали жильцам, в нижнем жили сами. Мать моя родилась 24 августа (6 сентября) 1863 года, была на три года моложе отца. Но в женских гимназиях было тогда семь классов, поэтому она окончила гимназию через два года после того, как окончил гимназию отец. Окончила она ее отлично, с золотой медалью, такая медаль присуждалась каждый год только одна. Несмотря на то что преподавание иностранных языков в казенных гимназиях обычно было плохо поставлено, Наталья Павловна хорошо знала французский язык, не только свободно читала, но и говорила по-французски.

Алексей Евграфович по окончании гимназии поступил на физико-математический факультет Петербургского университета (фото 8). Как уже говорилось, во время пребывания в гимназии отец жил и учился на средства, оставленные ему дядей. Когда он окончил гимназию, он отказался от своей доли оставшихся денег в пользу сестры, отдал их «на приданое Елизавете», как говорил он мне. Будучи студентом, он существовал на небольшие суммы денег, которые присылали ему Андрей Евграфович и Енафа Евграфовна, его крестная.

Судя по расписанию, занятий у Алексея Евграфовича было немного, посещение лекций было необязательно, лабораторных занятий было на первых курсах совсем немного. Немуд-

рено, что живого, увлекающегося юношу после захолустной Вологды захватила, закружила свободная студенческая жизнь в столице. Скоро появились товарищи и, как тогда говорили, товарки: курсистки, слушательницы медицинских и бестужевских курсов. В гимназии у него близких друзей почти не было, ближе всего он был с Григорием Хрисанфовичем Херсонским, который впоследствии был в Москве директором гимназии⁸⁷ (фото 9). С ним он всю жизнь поддерживал отношения, они и переписывались, и лично встречались в Москве или в Петербурге. В Университете у отца было больше товарищей: Вячеслав Евгеньевич Тищенко⁸⁸, Сергей Сильвестрович Колотов⁸⁹, преподававший потом химию в офицерских минных классах в Кронштадте, Владимир Робертович Тизенгольд, доцент Технологического института, Семен Петрович Вуколов⁹⁰, профессор этого же института, Федор Яковлевич Капустин⁹¹, профессор физики на Высших женских курсах, Александр Маркелович Жданов⁹², профессор астрономии в Университете.

В 1879 году отец увлекся бильярдом и на втором курсе проводил за игрой много времени. Позднее он к нему охладел и предпочел отдавать свободное время театру, русской и итальянской опере. Посещение театров было уже более дорогим удовольствием, но Алексею удалось достать абонемент в итальянскую оперу на галерку около самой сцены. С этого места ему ничего не было видно, иногда только какая-нибудь балерина, выскочившая к самой рампе, попадала в его поле зрения. Несмотря на это, отец не пропускал ни одного спектакля, сам он обладал очень хорошим баритоном и хорошим слухом и с увлечением повторял дома любимые арии. Из русских певцов он особенно любил Мельникова⁹³, когда он позднее слушал Шаляпина⁹⁴, то говорил, что Мельников все-таки был лучше. Любимыми его операми были «Руслан и Людмила», охотнее всего он сам исполнял арию Руслана «О поле, поле» и Фарлафа «Близок уж час торжества моего». Любил он также «Русалку», ария мельника тоже часто им исполнялась. Охотно пел он также арию деда Мороза из «Снегурочки» и арию Мефистофеля из «Фауста». Пел он и разные романсы, одним из любимых его романсов был «Хотел бы в единое слово».

⁸⁷ Херсонский Г. Х. (1859–1927) – математик, директор 7-й мужской гимназии в Москве, затем профессор математики в ряде высших учебных заведений.

⁸⁸ Тищенко В. Е. (1861–1941) – химик-органик, академик, профессор Петербургского университета.

⁸⁹ Колотов С. С. (1859–1916) – химик, выпускник Петербургского университета, служил в Минных офицерских классах в Кронштадте и в Петербургском университете.

⁹⁰ Вуколов С. П. (1863–1940) – химик, эксперт в области взрывчатых веществ, работал в ГИПХе, Военно-морской академии, преподавал в Ленинградском университете, Технологическом институте.

⁹¹ Капустин Ф. Я. (1856–1936) – профессор, преподавал физику на ВЖК, автор учебных пособий.

⁹² Жданов А. М. (1858–1914) – российский астроном, геодезист, профессор.

⁹³ Мельников И. А. (1832–1906) – русский певец (баритон), солист и режиссер Мариинского театра.

⁹⁴ Шаляпин Ф. И. (1873–1938) – русский певец (бас).

Фото 9. Алексей Евграфович Фаворский, Григорий Хрисанфович Херсонский, Д. И. Жбанков

Ни самого Алексея Евграфовича, ни его друзей не удовлетворяла та жизнь, которую они вели. На большинство лекций можно было не ходить, лабораторных занятий было мало, а учить к экзаменам большое число различных предметов при краткости и сухости тогдашних учебников тоже было неинтересно. Алексей переходил с курса на курс, ни на одном не задерживался, но такое учение большого удовольствия не приносило, и на него временами находили скука и хандра.

Когда отец был на третьем курсе, в Петербург приехала Наталья Павловна Дубровина и поступила учиться на Женские врачебные курсы. С ней приехала и Елизавета Евграфовна, которая поступила на Высшие женские курсы. Последняя недолго на них проучилась, она вышла замуж за только что окончившего врача Пантелеева и поехала с ним к месту его работы в земскую больницу. Поехали они зимой, в сильный мороз. Дорогой, после длительной езды на лошадях, они легли спать в жарко натопленных комнатах и угорели. Елизавету удалось спа-

сти, а ее муж умер. Через несколько лет она вышла замуж за товарища Алексея – Вячеслава Тищенко, который давно ее любил. Наталья Павловна окончила Женские курсы и получила диплом женщины-врача.

В 1881 году, будучи на четвертом курсе, Алексей попал в лабораторию А. М. Бутлерова⁹⁵ (фото 10). Из всех наук, которые он изучал в Университете, органическая химия привлекала его больше всего. Но в то время лаборатории были маленькие, они все помещались в главном здании Университета, и из оканчивающих студентов Бутлеров мог взять к себе в этом году только пять человек. Так как желающих попасть в эту лабораторию было больше, чем имелось свободных мест, была организована запись. Алексей успел записаться только седьмым. Не имея уже надежды попасть к Бутлерову, он устроился в лабораторию профессора Овсянникова⁹⁶, который читал в Университете анатомию и гистологию. Отцу была поручена работа по отысканию нервных окончаний в легких лягушек. Но ему не суждено было стать гистологом. Один из попавших к Бутлерову студентов должен был уйти из лаборатории, так как оказался недостаточно подготовленным для работы в ней. Следующий за ним кандидат, не попав к Бутлерову, устроился к почвоведу Докучаеву⁹⁷, был доволен своей работой и отказался переходить. Таким образом, очередь дошла до Алексея, и он с радостью бросил своих лягушек и стал работать в области той науки, которая его интересовала. Забыты были скука и хандра, среди игроков на бильярде не было видно больше Алексея Евграфовича, всю свою энергию и настойчивость он отдавал работе. Велика должна была быть любовь к своей науке, терпение, настойчивость и вера в свои силы, чтобы не бросить, не отчаяться, терпя неудачи в работе в течение первых трех лет.

⁹⁵ Бутлеров А. М. (1828–1886) – химик-органик, создатель теории химического строения, академик Петербургской АН.

⁹⁶ Овсянников Ф. В. (1827–1906) – физиолог, профессор Санкт-Петербургского университета, академик Петербургской АН.

⁹⁷ Докучаев В. В. (1846–1903) – русский геолог, минералог.

Фото 10. Алексей Михайлович Бутлеров

Бутлеров в то время, когда Алексей попал в его лабораторию, уже сравнительно мало там работал, а в 1886 году⁹⁸ совсем ушел из Университета. Бывая в лаборатории, он сам работал за своим рабочим столом, стоявшим в той же комнате, где работали и студенты.

Наблюдение за работой такого искусного экспериментатора, каким был Бутлеров, было, конечно, чрезвычайно полезно для начинающих химиков. К сожалению, тема, предложенная Алексею Бутлеровым, хотя и была очень интересна по замыслу, оказалась невыполнимой в то время, в тех лабораторных условиях и при существовавшем тогда оборудовании. Три года бился Алексей, стараясь получить желаемые вещества, но в результате получал лишь какие-то крохи. Помощник Бутлерова, ассистент Михаил Дмитриевич Львов⁹⁹, предложил Алексею несколько изменить предмет его исследования, получить вместо одного ацетиленового углеводорода другой такого же типа. Тут все сразу изменилось, полученные результаты послужили

⁹⁸ В 1885 г. А. М. Бутлеров отчислен из штатных профессоров с оставлением при Университете.

⁹⁹ Львов М. Д. (1848–1891) – химик-органик.

основой для его магистерской диссертации. В 1884 году результаты эти доложены на заседании Физико-химического общества и принесли ему известность не только в России, но и за границей.

В 1882 году Алексей Евграфович окончил Университет и занял место лаборанта-химика в Первом реальном училище¹⁰⁰. В реальных училищах в то время древние языки не изучались, программы по математике и естественным наукам были значительно шире, чем в гимназиях, а преподавание химии не ограничивалось меловой химией, но сопровождалось практическими занятиями. Вот этими-то занятиями и должен был руководить Алексей. Молодые преподаватели, влюбленные в свою науку, обычно увлекают своих учеников. Так случилось и с Алексеем: по окончании обязательного практикума он прочел по просьбе своих учеников краткий курс органической химии, а один из них, Василий Яковлевич Бурдаков, занялся изготовлением органических препаратов и между прочим получил изопропилацетилен, нужный Алексею для его научной работы. Этот первый ученик Алексея Евграфовича был впоследствии профессором химии Днепропетровского горного института.

Все время, свободное от занятий в реальном училище, отец по-прежнему отдавал своей научной работе. В 1885 году¹⁰¹ он получил место лаборанта (по-нынешнему – ассистента) в Университете на кафедре аналитической и технической химии, которой в то время заведовал Дмитрий Петрович Коновалов¹⁰². Вместе с местом он получил и казенную квартиру в Университете в небольшом трехэтажном доме, который стоит во дворе Университета и в настоящее время. До этого Алексей Евграфович снимал комнату у хозяек. Одно время он снимал комнату в немецкой семье. Он часто рассказывал потом про уклад жизни в этой семье, столь непохожей на жизнь русских семейств.

Став ассистентом и руководя занятиями студентов в лабораториях качественного и количественного анализа, отец по-прежнему все остальное время отдавал своей научной работе. Интересная область, в которой он работал, его экспериментальное мастерство, педагогический талант и творческий энтузиазм привлекали студентов, и у него сразу же появились ученики: Константин Ипполитович Дебу¹⁰³, Константин Адамович Красуский¹⁰⁴ и многие другие. Глядя на то, с каким воодушевлением работали его ученики, старшие товарищи говорили ему: «У вас будет много учеников». Действительно, Алексей Евграфович явился создателем одной из крупнейшей школы химиков-органиков. За своей научной работой и будучи студентом, отец постоянно напевал свои любимые арии. Он не знал нот и не играл ни на одном инструменте, но благодаря прекрасному слуху пел всегда совершенно верно.

Голос его к этому времени значительно окреп и превратился в очень приятный баритон, пел отец всегда очень выразительно. Слышавший его пение немного подвыпивший антрепренер какого-то опереточного театра настолько пленился его голосом, что не на шутку стал угрожать его бросить все и переходить в его театр, обещая большой гонорар. «Да чем же ты занимаешься?» – воскликнул он, когда отец отклонил его блестящее предложение. «Ацетиленовыми углеводородами», – отвечал Алексей. «Ну, и дурак же ты, братец!» – с огорчением воскликнул антрепренер и махнул рукой на молодого человека, не понимающего своей выгоды и отказавшегося от блистательной будущности.

¹⁰⁰ Официально – с 22 апреля 1883 г.

¹⁰¹ Официально – с 1 июля 1886 г.

¹⁰² Коновалов Д. П. (1856–1929) – химик, государственный деятель, академик АН СССР с 1923 года. Согласно тексту книги Т. А. Фаворской, А. Е. Фаворского пригласил другой профессор кафедры химии – А. Н. Меншуткин (Фаворская Т. А. Алексей Евграфович Фаворский (1860–1945). Л., 1980. С. 24).

¹⁰³ Дебу К. И. (1865–1941) – сын петрашевца И. М. Дебу, химик-органик, профессор ВЖК, Петербургского университета, Сельскохозяйственного института.

¹⁰⁴ Красуский К. А. (1867–1937) – химик, чл. – кор. АН СССР, приват-доцент Петербургского университета, профессор Харьковского университета, Азербайджанского политехнического института.

В 1887 году, 28 августа (старого стиля), отец женился на Н. П. Дубровиной, которая к тому времени окончила Женские врачебные курсы. Знакомы они были уже давно, с 1877 года. О своем романе с матерью отец мне никогда ничего не рассказывал, но по некоторым письмам, адресованным ей, которые хранились у отца и которые, возможно, и не были вручены матери, можно думать, что роман этот был длительным и не таким простым. Обаятельные внешние и внутренние качества отца привлекали к нему сердца многих девушек. Но в конце концов Алексей Евграфович и Наталья Павловна «почувствовали, что они друг без друга жить не могут», как сказала мне однажды мать, и решили пожениться. Свадьба состоялась в Вологде, приехавший на свадьбу старший брат матери, художник Константин Павлович, нарисовал красивое меню свадебного пира, меню это сохранилось до сих пор.

Родители мои прожили вместе двадцать один год. 23 августа 1908 года мать моя умерла от туберкулеза легких, которым она болела более пятнадцати лет. Что послужило причиной ее болезни, трудно сказать: плохие условия жизни в родительском доме и во время учения на курсах или тяжелое горе, выпавшее не ее долю. В июне 1888 года у них родился сын Евграф. Отец и оба его брата так любили своего отца, Евграфа Андреевича, что все трое называли в его честь своих первенцев. Из этих троих выжил только Евграф Антонинович, он дожил до преклонного возраста, работал в Москве на заводе «Красный пролетарий» в должности инженера. У Андрея Евграфовича Евграф умер еще совсем маленьким.

Мой брат Гранюшка, как его звали родители, умер, когда ему был один год и десять месяцев. Это был необыкновенно развитый для своего возраста мальчик. В этом возрасте он уже говорил, знал даже небольшие стишки. Веселый и ласковый, он целый день бегал по комнатам. Утром, как только услышит, что родители проснулись, он хватал со стола утреннюю газету, а со стула – юбку матери, выставленную для чистки, и вбегал в спальню, говоря: «Маме – юбки, папе – газету!» Нечего и говорить, что родители в нем души не чаяли. 19 апреля 1890 года он гулял с матерью вечером перед сном. Мать много рассказывала мне, как они гуляли и как Граня поднял голову, посмотрел на небо и сказал: «А мамы там нет!» На следующий день он заболел молниеносной формой скарлатины, его тотчас же увезли в больницу, так как мать через две недели ожидала рождения второго ребенка.

1.2. Мое детство. Главный человек – отец! Впервые в Европу... Наша жизнь в Петербурге и на отдыхе. Наши гости: родные и знакомые

Болезнь сына так потрясла Наталью Павловну, что роды начались у нее преждевременно, и уже 21 апреля (4 мая) она родила дочь, которую называли Татьяной. Так как я родилась раньше времени, то была маленькая и худенькая, весила всего лишь два кило. На следующий день, 22 апреля, Гранюшка умер. Его похоронили на Волховом кладбище рядом с Евграфом и Максимом Андреевичами. О горе моих родителей не приходится и говорить, но жизнь не дает спокойно предаваться горю: нужно было работать, нужно было кончать диссертацию, а матери нужно было заботиться о новорожденной дочке. Молока у нее не было, пришлось взять кормилицу. Крестными моими были Вячеслав Евгеньевич Тищенко и Ольга Владимировна Фаворская, жена Андрея Евграфовича; они поженились в 1883 году и жили в Москве, где Андрей Евграфович работал помощником присяжного поверенного¹⁰⁵.

Ольга Владимировна была дочерью художника Владимира Осиповича Шервуда, художественные способности передались от него детям: Ольга Владимировна хорошо рисовала, а сын его, Леонид Владимирович, был известным скульптором¹⁰⁶ (фото 11). После умершего маленького Евграфа у Андрея Евграфовича и Ольги Владимировны родилось еще двое сыновей: Владимир Андреевич¹⁰⁷, известный художник-гравер, и Максим Андреевич, ветеринарный врач. В год моего рождения Андрей Евграфович и Ольга Владимировна проводили лето с детьми в Пушкино под Москвой. Они пригласили моих родителей провести лето вместе с ними. Когда я подросла, я очень полюбила свою крестную. Ольга Владимировна по характеру несколько похожа на мою мать: добрая, мягкая, она была совсем непрактичная, то, что называют «не от мира сего». Говоря о них обеих, отец и Андрей Евграфович называли их почему-то странным названием «наши небесные курицы».

¹⁰⁵ *Присяжный поверенный* – адвокат в Российской империи при окружном суде или судебной палате. Звание существовало в период с 1864 по 1917 гг.

¹⁰⁶ *Шервуд Л. В.* (1871–1954) – советский скульптор, заслуженный деятель искусств РСФСР. Был в числе первых скульпторов, осуществлявших ленинский план «монументальной пропаганды».

¹⁰⁷ *Фаворский В. А.* (1886–1964) – график, мастер портрета, книжной графики, искусствовед, сценограф, живописец-монументалист, педагог и теоретик изобразительного искусства, академик Академии художеств, народный художник СССР, лауреат Ленинской премии.

Фото 11. Ольга Владимировна Фаворская

Зима 1890/91 года была опять тяжелой для моих родителей: вследствие неправильной беременности мать должна была лечь в клинику Военно-медицинской академии, где ей делали серьезную операцию, после которой она очень плохо поправлялась. У нас в это время жила сестра моей матери, Мария Павловна, которая училась в Петербурге на бухгалтерских курсах. Весной отец снял дачу на берегу Волхова в районе Новой Ладogi. Мать перевезли туда, врачи рекомендовали ей солнечные ванны. Лето в тот год было исключительно жаркое, матери устроили на балконе солярий, и она за лето значительно окрепла, но, к большому огорчению и ее и отца, врачи объявили, что детей у них больше не будет. Таким образом, я росла единственным ребенком. Отец в это время с головой ушел в работу. Потеря любимого сына, болезнь жены сделали его более суровым и замкнутым. Магистерская диссертация на тему «По вопросу о механизме изомеризации в рядах непредельных углеводородов» была готова, и 15 (28) сен-

тября 1891 года состоялась ее защита. Таким образом, Алексей Евграфович был вознагражден за свою настойчивость и терпение, он сразу выдвинулся из рядов своих товарищей, далеко опередив их.

Итак, с работой (и с научной, и с педагогической) все обстояло хорошо. Дома же не все было благополучно: Наталья Павловна чувствовала себя неважно, а я умудрилась где-то подцепить брюшной тиф. В то время никаких лекарств против этой болезни не существовало, приходилось терпеливо ждать, когда недуг кончится сам собой. Наталья Павловна, сама врач, следила за ходом болезни и позднее говорила мне, что у меня был классический брюшной тиф, протекавший точно по учебнику. Лечил меня и наблюдал за здоровьем матери старик-англичанин – доктор Дункан. Он был высокообразованный человек, очень интересовался химией и подолгу беседовал с Алексеем Евграфовичем о его работах. Раз два он приносил в подарок отцу бутылку старого английского портвейна.

Расходы в связи с болезнью жены и ребенка были большие, а лаборантское жалование было очень маленькое, поэтому и сам Алексей Евграфович, и многие его товарищи подрабатывали, делали различные анализы, используя для этого летние каникулы. Каникулы в Университете в то время продолжались три месяца – с июня по сентябрь, один месяц посвящали анализам, а два отдыхали. Дачи для семьи обычно снимали недалеко от города, и часть отдыха посвящали поездкам в город для работы. В 1892 году дача была снята неудачно. Ездить искать было некому, Алексей Евграфович снял ее по совету знакомых, которые прельстили его хорошей охотой. Когда же мы приехали на дачу, то оказалось, как говорил отец, что там все болото, болото, посреди болота плешь, и на этой плещи стоит наша дача. Лето было неважное, единственным развлечением отца были хождения за грибами с Марией Павловной. Возвращались они из этих походов мокрые до колен. К завершению удовольствия, в болотах водилось много змей. Однажды я играла на крыльце, няня стояла на улице, а взглянув на меня, она испустила дикий крик: на крыльцо не спеша вползала гадюка. Отец, бывший поблизости, вовремя подоспел с большой палкой и убил змею. Убитую змею он зарыл в большой муравейник и некоторое время спустя вытащил оттуда отличный скелет гадюки.

Вскоре после моего рождения отец получил новую квартиру на первом этаже главного здания Университета, в той половине его, которая обращена к Биржевой линии. Здания Физического института в то время еще не было, и днем в окна, выходившие в коридор, светило солнце. К одному из окон, выходивших в сад, из комнаты и из сада были приставлены низкие лесенки и, таким образом, из квартир можно было попадать прямо в сад. В это время получил там же квартиру и В. Е. Тищенко. Здоровье матери все не налаживалось: слабость после операции давно прошла, но зато появился кашель, и она стала временами температурить. Вот с этого времени постоянным помощником Натальи Павловны стал Петр Малафеев (лабораторный служащий Алексея Евграфовича). В химических лабораториях в то время не было уборщиц и вообще никакого женского обслуживающего персонала. Уборку лабораторий и всякую подсобную работу выполняли мужчины, которые назывались лабораторными служащими. Холостые служители или те, у которых семьи жили в деревне, жили в общежитии во дворе Университета (здание рядом с Физическим институтом). Большинство из них работало в лабораториях до самой старости. Хотя казенное жалование было невелико, многие из них прирабатывали, оказывая различные услуги профессорам и ассистентам.

Петр Малафеев каждое утро приносил свежие булки и хлеб к утреннему чаю. Алексей Евграфович обычно пил чай с московским калачом, утром завтрака горячего у нас не полагалось, а только пили чай или молоко с булками и маслом. Рано утром почтальон приносил всегда свежую газету, которую Алексей Евграфович читал за чаем. По своему здоровью матери трудно было ходить за покупками, и поэтому целый ряд закупок по ее поручениям делал Петр. Помню, как я примеряла черные башмачки на пуговицах, которые купил Петр; когда я начала кататься на лыжах, он же покупал мне валенки. Весной при переезде на дачу он нанимал извоз-

чиков и перевозил вещи. Телефонов тогда не было, и за врачами ездил тоже Петр. Летом он присматривал за ремонтом квартиры и тому подобное. Петр Малафеев был небольшого роста, коренастый, с рыжими волосами и бородой. До поступления в лабораторию он отбывал воинскую повинность и ушел в запас бравым фельдфебелем. Когда отец возвращался с охоты, Петр чистил и смазывал его ружье, а когда зимой Алексей Евграфович привозил с охоты зайцев, Петр обдирали их, за что получал шкурку и переднюю часть зайца. За все эти услуги Петр получал ежемесячную плату. Петр любил маленьких детей, когда он приходил к нам после работы, то охотно играл со мной, я звала его Петей и любила с ним играть.

Лето 1893 года мы провели с семьей Тищенко в имении сестры Вячеслава Евгеньевича, Лидии Евгеньевны, бывшей замужем за помещиком Дейхманом. Имение их называлось Белое и было расположено в Витебской губернии, где-то около Себежа. Отца, как всегда, привлекла охота, а также дешевизна деревенской жизни. Ко времени жизни в Белом относится мое первое воспоминание об одном маленьком факте, о котором я помню сама, а не по рассказам взрослых. Я помню солнечный день, я сижу на траве на обочине полевой дороги, вдоль которой колышется ржаное поле, в нем так много васильков! Рядом со мной няня плетет мне из них венки.

Следующая зима была опять тяжелой для моих родителей, особенно для моей больной матери – я заболела дифтеритом. В то время еще не была изобретена сыворотка, и лекарств против этой болезни не было. Лечил меня доктор Дункан. Каждый приход его я встречала криками и плачем. Когда он смотрел на мое распухшее, покрытое пленками горло и вынимал ложечку, которой он придерживал мой язык, она всегда была в крови. Форма заболевания у меня была и на этот раз типичная. Доктор Дункан очень жалел меня и говорил: «Бедная девочка, борется с кокками». Когда мне стало лучше, осторожный доктор останавливал радость родителей и говорил, что до истечения шести недель с начала болезни все еще можно ожидать паралича сердца. Паралича не случилось, я поправилась, только в детстве и в юности у меня бывали частые ангины.

Алексей Евграфович, как я говорила, очень любил маленьких детей, и ему было очень тяжело смотреть на страдания любимого беспомощного существа. Когда мне бывало лучше, он старался развлекать меня, купил мне первые книжки. Хороших дешевых детских книжек для таких маленьких детей издавалось мало. У меня уже была одна книжка, которую мне подарила О. В. Фаворская, она называлась «Прочная книжка», в ней все страницы с хорошими рисунками и сказочками были наклеены на толстый картон. Она жила у меня в целости в течение нескольких лет, когда же я выросла, ее отдали моим двоюродным братьям Тищенко; не прошло и года, как от «Прочной книжки» остались одни лоскуты.

Алексей Евграфович купил мне одну или две небольшие книжки без переплета, в которых были собраны некоторые наиболее известные былины о русских богатырях. Когда я поправилась, я выучила эти книги наизусть, былинный язык мне, конечно, был малопонятен, и я перевирала трудные места. Например, то место, где «слетались на его чело хищные вороны», в моем изложении звучало «слетались на него челохичные вороны». Алексей Евграфович много смеялся над последней фразой, ловил меня, тискал и говорил: «Ах, ты моя, челохичная Титика!» (фото 12).

Фото 12. Татьяна Фаворская. 1895 г.

Несмотря на домашние огорчения и заботы, работа в лаборатории шла полным ходом, Алексей Евграфович заканчивал свою докторскую диссертацию. Вероятно, в связи с этим летом 1894 года мы никуда далеко не поехали, а проводили лето недалеко от Петербурга в деревне Лопухинки. Лето это было неудачное, отец отмечал каждый день погоду и насчитал за три месяца семьдесят шесть дождливых дней! На обратном пути в город мы, по-видимому, обедали в ресторане на вокзале, я первый раз была в таком учреждении, и мне показалось, что это какой-то дворец, меня поразили также блестящие никелированные вилки с четырьмя зубьями, дома у нас вилки были с трех зубьях с черными деревянными черенками. Плохо про-

веденное лето сказалось неблагоприятно на здоровье моей матери, всю последующую зиму она чувствовала себя плохо.

В 1894 году была закончена постройка здания новой химической лаборатории (теперешнее здание НИХИ). Помещения химических лабораторий в главном здании Университета уже давно не удовлетворяли ни по своему объему, ни по оборудованию возросших потребностей в связи с заметным увеличением числа студентов, желающих специализироваться на химии, и большим размахом научно-исследовательской работы (фото 13).

Фото 13. Закладка химической лаборатории

На первом этаже новой лаборатории помещались лаборатории неорганической химии и аналитической химии. На втором этаже – препаровочная, большая аудитория амфитеатром, занимавшая в высоту два этажа, библиотека Химического общества и лаборатория технической химии. На третьем этаже – большая химическая аудитория, над библиотекой – малая химическая аудитория и затем лаборатория органической химии. Помещения были высокие, светлые, в них вместо печного было устроено паровое отопление.

Жилой флигель с квартирами для профессоров и ассистентов был разделен на четыре этажа. На первом этаже были две квартиры для ассистентов, в них поселились справа от входа – Тищенко, слева – К. А. Красуский. На втором и третьем этажах были квартиры профессоров: на втором этаже жил Д. П. Коновалов, на третьем – Н. А. Меншуткин¹⁰⁸. На четвертом этаже опять было две квартиры: направо жили мы, налево – ассистент Меншуткина Алексей Алексеевич Волков. В подвальном этаже поселили лабораторных служителей: кочегара, швейцаров, гардеробщика; кроме того, там были кладовые и подсобные помещения. В подвале помещались водоструйные насосы, от которых шли свинцовые трубы в лабораторию органической химии, к ним присоединяли приборы для перегонки в вакууме; перегонять можно было на каждом рабочем столе.

¹⁰⁸ Меншуткин Н. А. (1842–1907) – химик, автор трудов по кинетике органических реакций, профессор Петербургского университета и Петербургского политехнического института.

В квартирах было печное отопление. Из каждой квартиры был выход на внутреннюю теплую лестницу, по которой в любое время можно было пройти в помещение лаборатории, не выходя на улицу. В нашей квартире было пять комнат: детская, спальня, столовая, кабинет, в пятой комнате почти всегда жил кто-нибудь из родственников: сестры матери или племянник Алексея Евграфовича Николай Александрович Прилежаев¹⁰⁹, сын Енафы Евграфовны. Родители его умерли, сам он окончил духовную семинарию и поступал в Университет. Раньше можно было по окончании семинарии поступать в любой Университет, а потом начальство решило, что в семинарии подготовка хуже, чем в гимназии, и разрешило семинаристам поступать только в Варшавский университет. В этот университет поступил и Н. А. Прилежаев, он работал там у Егора Егоровича Вагнера¹¹⁰, по окончании университета он остался там ассистентом и часто приезжал к нам на зимние и весенние каникулы поработать в лаборатории Алексея Евграфовича и отдохнуть среди родных. Ванной комнаты в нашей квартире не было, отец ходил в баню, а для меня и для матери ставили на кухне большую железную крашеную ванну.

На парадной лестнице внизу, на площадке около квартиры Красуского, был устроен камин, который каждый день топил швейцар Василий Букинин. Рядом с камином стоял табурет, на котором он сидел, на его обязанности была уборка лестницы, которая всегда сверкала чистотой. На черной лестнице в стене были сделаны шкафы для провизии, у каждой квартиры дворники укладывали каждые три-четыре дня поленницу колотых дров. Все квартиры были казенные, и жильцы не платили ни за помещение, ни за дрова, ни за свет, платили только дворникам за колку дров.

¹⁰⁹ Прилежаев Н. А. (1877–1944) – российский химик-органик, чл. – кор. АН СССР, член АН БССР.

¹¹⁰ Вагнер Е. Е. (1849–1903) – российский химик-органик, открыватель так называемой камфеновой перегруппировки первого вида.

Фото 14. Николай Александрович Меншуткин

Мы жили на четвертом этаже, а на одной площадке с нами жил А. А. Волков с семьей, детей у него не было, сам он был еще молодой человек, но с больным сердцем, он умер несколько лет спустя. Под нами жил Николай Александрович Меншуткин с женой и двумя сыновьями: Борис Николаевич¹¹¹ учился в это время в Университете, младший был гимназистом (фото 14). Дети Меншуткина были мне совсем не интересны, а самого Меншуткина я боялась и не любила: он был очень важный, не позволял, чтобы над его квартирой бегали и прыгали. Как только я запрыгаю, меня сейчас же останавливают: «Тихо, тихо, Меншуткин будет браниться!» Зато на двух нижних этажах детей было достаточно. У Дмитрия Петровича (фото 15) и Варвары Ивановны Коноваловой, когда они приехали в эту квартиру, было пять человек детей. Это были четыре дочери: Елена, Олимпиада, Мария и Нина, самый младший был сын Николай, через год после переезда родилась еще одна дочка – Вера. На первом этаже у

¹¹¹ Меншуткин Б. Н. (1874–1938) – химик, историк химии, профессор Петербургского политехнического института.

Тищенко в это время было трое сыновей: Андрей, Владимир и Николай, позднее родились еще два сына – Дмитрий и Евгений. Липа Коновалова и Андрюша Тищенко были моими друзьями и ровесниками, а вообще нас была большая компания ребят, которые вместе играли во дворе и в саду. В нашей прежней квартире в главном здании поселился геолог Борис Константинович Поленов¹¹² с женой Марией Федоровной и двумя дочками – Натальей и Татьяной, последняя была на полтора года меня моложе, и мы с ней очень дружили.

Фото 15. Дмитрий Петрович Коновалов

В. Е. Тищенко в это время еще не защитил магистерской диссертации, средства его были ограничены, а между тем каждые два года у них прибавлялось по сыну. Поэтому жили они скромно, специальной няни у них в то время не было, Елизавета Евграфовна справлялась с

¹¹² Поленов Б. К. (1859–1923) – окончил физико-математический факультет Петербургского университета, приват-доцент Петербургского университета. В 1904–1913 гг. – профессор Казанского университета. В 1916 г. был командирован в Пермский университет, где возглавлял кафедру геологии, в 1920–1921 гг. был проректором Пермского университета.

хозяйством и с детьми с помощью только помощницы, Вячеслав Евгеньевич целые дни проводил на работе. В квартире у них тоже было пять комнат.

С Меншуткиным и его семьей ни мы, ни Тищенко не были знакомы и не бывали друг у друга. С Коноваловыми мы бывали друг у друга на елках, на всяких детских праздниках. У них в квартире было восемь комнат, но такое помещение для них было мало, и им отдали еще одну очень большую комнату и одну маленькую. Варвара Ивановна была еще очень молодая и интересная женщина, она вышла замуж за Дмитрия Петровича пятнадцати с половиной лет в 1887 году, а в 1894 году у нее уже было четыре дочери и один сын. Несмотря на это, она выезжала в гости и устраивала приемы. Она была дочь богатого помещика Екатеринославской губернии, имела собственные значительные средства. У Дмитрия Петровича кроме профессорского жалования других средств не было.

Вернувшись домой из Лопухинки, отец много времени проводил дома, у себя в кабинете, писал свою докторскую диссертацию. Очень часто я потихоньку пробиралась в кабинет, садилась где-нибудь в уголке с тетрадкой на коленях и что-то усердно чирикала в ней. Это я «писала диссертацию». Когда мы переехали в новую квартиру, Алексею Евграфовичу пришлось покупать кое-что из мебели, чтобы ее обставить: он купил себе большой письменный стол, книжный шкаф, диван, по два мягких кресла и стула. Одно из этих кресел стояло потом около его письменного стола, и он проводил в нем почти все свое время, обдумывая результаты и планы работы. Алексей Евграфович не признавал никаких занавесок на окнах, говорил, что в них только разводится пыль; он очень любил комнатные растения, и у нас их всегда было очень много.

Я была единственной дочкой, родители меня очень любили, боялись меня потерять, но я не была центром внимания всего дома, кумиром, все желания которого выполняются в обязательном порядке. Главным человеком в доме был отец, на первом месте были его желания, его привычки, его удобства. Образ жизни, распорядок дня, устройство квартиры, меню обедов и завтраков, все устраивалось по его вкусу. Благодаря этому я не выросла балованной эгоисткой, этому же способствовало и разумное воспитание матери, которая с малых лет приучала меня к исполнению долга, учила всему доброму, хорошему. Причем лучше всяких наставлений и рассуждений действовал ее личный пример. Несмотря на развивавшуюся тяжелую болезнь, она всегда была спокойна, выдержанна, никогда не жаловалась и не причитала, всегда была занята. На меня она никогда не кричала, не шлепала меня. Она была со мной ласкова, но целовала редко, боясь передать мне свою болезнь, много читала мне вслух, пока я сама не научилась. Когда я хворала, она целые дни не отходила от моей постели, готовила мне какое-то необыкновенное прохладительное питье и подолгу читала.

Если Алексей Евграфович был недоволен матерью или мной, он не кричал и не бранился, а переставал разговаривать с ней или со мной на день-два, а иногда и на неделю. Такое его молчание было мне всегда очень тяжело и неприятно, мать тоже страдала от этого. Проснувшись утром, он любил, когда я прибежала к нему в постель, дурачился со мной, заставлял рассказывать ему сказки или говорить стихи. Родителей своих я очень любила, считала, что мама у меня самая хорошая, а папа всех умней, что он все знает лучше, чем все другие папы. С ним я всегда чувствовала себя в полной безопасности, с ним я ничего не боялась, он все может, от всего спасет.

Елизавета Евграфовна иначе обращалась со своими сыновьями: она и кричала на них, и наказывала, редко их ласкала, иногда высмеивала, когда они болели, она не сидела около них. Это, конечно, можно было понять, учитывая ее занятость. Но я, конечно, сравнивала свою мать с теткой и больше всего боялась, что вдруг мои мама и папа умрут и меня отдадут тете Лизе!

Зима близилась к концу, диссертация Алексея Евграфовича была написана и представлена к защите. Тридцати пяти лет Алексей Евграфович стал доктором. Научная работа его все ширилась, появлялись все новые ученики. Кроме Университета, он преподавал в 1891–1894

годах органическую химию в Михайловской артиллерийской академии и артиллерийском училище. В училище до него химия была в загоне, юнкера относились к ней спустя рукава. Когда же настало время экзаменов, Алексей Евграфович стал требовать от них настоящих знаний, а так как их не было, то он поставил двойки почти всему курсу. Юнкера подняли бунт: «Как, из-за какой-то органической химии получать двойки! Где это видано!» – и пошли с жалобой к директору. Директор был человек неглупый, он выслушал юнкеров, выслушал Алексея Евграфовича, понял, что последний совершенно прав и приказал всем в кратчайший срок ликвидировать двойки и впредь относиться к органической химии со всей серьезностью, так как для артиллериста эта наука является одной из важнейших. В следующие годы юнкера относились уже с подобающим уважением и к органической химии, и к самому Алексею Евграфовичу и двоек больше не получали. В Артиллерийской академии он приобрел учеников: Владимира Николаевича Ипатьева¹¹³, Алексея Васильевича Сапожникова¹¹⁴ и Николая Михайловича Витторфа¹¹⁵, которые впоследствии все были профессорами, а Ипатьев – академиком.

Путь от Университета до Артиллерийского училища и Академии, находившихся на Выборгской стороне, был не близкий, я помню, что в дни лекций отец вставал в семь часов, пил чай и уезжал. Он не пропускал этих занятий, даже когда был болен. Помню, что он ездил однажды на лекции больной ангиной, мы с матерью узнали об этом, только когда он поправился. В те времена он вообще не любил говорить о том, что ему нездоровится, и продолжал работать, не обращая внимания на болезни. В молодости я вспомнила такое поведение Алексея Евграфовича, оно мне очень импонировало, и я в этом отношении всегда старалась ему подражать.

Настало лето 1895 года. Здоровье матери настолько ухудшилось, что решено было везти ее за границу. Отец занял для этой поездки сто рублей у брата Андрея, и мы втроем поехали сначала в Берлин к Роберту Коху¹¹⁶, чтобы окончательно установить болезнь матери. При исследовании ее мокроты были обнаружены туберкулезные палочки. По совету докторов отец повез Наталью Павловну в Швейцарию, недалеко от города Веве, в местечко Mont Signal. Из Берлина мы сначала проехали в Гейдельберг, где в то время училось и работало много русских студентов, а некоторые окончившие химики совершенствовали свои знания в Гейдельбергском университете, у известных немецких профессоров. В Гейдельберге мы пробыли дней десять в пансионе фрейлины Керн, у которой жили преимущественно русские. Несмотря на многолетнее пребывание русских под ее кровом, Керн никак не могла научиться русскому языку. Она была очень ласкова с матерью и со мной, и все поражалась, что такая маленькая девочка так хорошо говорит по-русски. В Берлине и Гейдельберге мы заходили в пивные, и отец давал мне пробовать пиво, которое мне очень понравилось. Сидя за столиком, отец заговорился со знакомыми, оглянулся, а меня рядом на стуле нет! Смотрит, а я хожу между столиками, улыбаюсь и приветливо раскланиваюсь с немцами.

Как уже говорилось, Алексей Евграфович плохо знал немецкий язык, особенно разговорный, химические книги он еще читал, а говорить или понимать разговорную речь ему было трудно. Из-за этого с ним случались курьезы и неприятности. Как-то пошел он в булочную за белым хлебом и вместо Weissbrod (белый хлеб) стал спрашивать Weissbett (белую кровать). В каком-то городе нам надо было пересаживаться с поезда на поезд; отец спросил, сколько времени остается до отхода поезда, – ему ответили: «Funfzein minute», то есть пятнадцать минут, а Алексей Евграфович услышал: «Funfzig minute», то есть пятьдесят минут и не спеша пошел

¹¹³ Ипатьев В. Н. (1867–1952) – химик, военный инженер, академик Петербургской АН (с 1917 г. – РАН). Организатор российской нефтехимической промышленности.

¹¹⁴ Сапожников А. В. (1868–1935) – химик, профессор Михайловской артиллерийской академии, Института инженеров путей сообщения и других учебных заведений.

¹¹⁵ Витторф Н. М. (1869–1929) – химик-неорганик и металлограф, профессор Михайловской артиллерийской академии.

¹¹⁶ Кох R (1843–1910) – немецкий микробиолог, один из основоположников бактериологии и эпидемиологии.

с нами на нужную платформу. Идем мы, вдруг видим – наш носильщик бежит бегом с нашими вещами, вталкивает нас в вагон, вещи пришлось бросать уже на ходу.

В этом возрасте я была очень храбрая и общительная: в поездах я выходила из нашего купе, заходила в другие и заводила там знакомства. У меня с собой была книжка «Веселые рассказы» Буша, я ее почти всю знала наизусть, вот с этой книжкой я и переходила из одного купе в другое и показывала картинки новым знакомым. Долгое путешествие все же утомило не только мою мать, но и меня. Особенно утомительны бывают длительные остановки, проводимые в вагоне. Раз как-то поезд наш особенно долго стоял в каком-то городе, как будто во Франкфурте-на-Майне, я устала, мне все надоело, я стала капризничать и просить у отца купить мне куклу. Никакие уговоры не действовали, Алексей Евграфович махнул рукой и отправился в город. В незнакомом городе с его знанием немецкого языка быстро найти игрушечный магазин было очень трудно. В какой магазин попал отец, не знаю, только спустя некоторое время он вернулся в вагон и принес мне фарфоровую статуэтку – девочку в кружевной фарфоровой юбочке. Я успокоилась и играла такой неудобной куклой, и даже привезла ее в Россию, только юбочка немного обломалась.

Но вот мы и в Швейцарии, в отеле «Signal». Здесь все говорят по-французски, так что здесь уже свободно объяснялась мама. В первый же день по приезде со мной случилось приключение: я храбро вышла из отеля, прошла по двору и завернула за угол. Там был молодой лесок, я зашла в него и пошла по дорожке, оглянулась, а кругом деревья, дома не видно. Заблудилась! Я бросилась бежать со слезами и криком «Батюшки, спасите!». Выбежала на лужайку, на которой росла громадная липа, к ней были приставлены лестницы, и мужчины и женщины собирали липовый цвет, который во Франции и в Швейцарии заваривают и пьют в качестве потогонного. Работники увидели, что к ним бежит маленькая девочка, плачет и что-то кричит на незнакомом языке. Они окружили меня, стали успокаивать и подарили большую ветку цветущей липы. В этот момент подоспел отец, который издали услышал, как я кричала: «Батюшки, спасите!» – и бросился мне на помощь.

Я живо освоилась в отеле и в саду и не скучала, так как мне нашлась хорошая подруга, русская девочка Оля Вернер, шести лет, приехавшая со своей матерью и тетей. Все звали ее не Олей, а Зайкой. Мать ее была полная, краснощекая, трудно было поверить, что она больна туберкулезом. Когда отец ей это сказал, она ему ответила: «Ничего-то вы не понимаете!» – и, как мы потом узнали, она умерла вскоре после возвращения в Россию. Зайка осталась круглой сиротой, и ее воспитала тетя. Мы с ней встретились лет через восемь и потом бывали друг у друга. Она окончила географический факультет Университета и работала на кафедре климатологии, где мы с ней вновь случайно встретились в начале 30-х годов и крупно поспорили из-за какой-то аудиторки. Больше я ее не видала.

Но тогда, в Швейцарии, она была веселая, бойкая девочка, и мы с ней очень хорошо проводили время. Однажды мы с ней сильно провинились. В нашем отеле было много пансионеров – и больных, и здоровых, разных национальностей: немцев, французов, англичан. Был старик-англичанин, который не мог ходить, и его катали в кресле. Он, по-видимому, любил детей, всегда здоровался с нами, приветливо нам улыбался и иногда угощал нас конфеткой или шоколадом. Мы часто устраивались играть неподалеку от него и во время игры поглаживали на него. Как-то утром после завтрака его повезли кататься, мы и раньше любили сопровождать его, побежали с ним, никому не сказав. Вернулись мы с этой прогулки только к обеду, никто не видел, что мы с ним ушли, родные наши переволновались, не могли понять, куда пропали девочки. Когда мы вернулись, нам здорово досталось.

Не знаю, насколько помогла моей матери Швейцария, во всяком случае, она стала чувствовать себя лучше. Когда пришло время возвращаться на родину, решено было, что отец один вернется в Петербург, а нас с матерью оставит погостить в Витебске, у гимназической ее подруги Е. И. Кузнецовой, по мужу Андреевой. В том году лето в Швейцарии было жаркое,

но жара не была утомительной, так как почти каждую ночь шли дожди. Чтобы не повредить окрепшему здоровью матери резкой переменой климата, и решено было пожить нам в Витебске. Мне у Андреевых было очень весело: у них в то время было трое детей: Вера, которая была старше меня года на три, Павел, старше меня на год, и Глеб, мой ровесник. Позднее у них родилась еще одна девочка. Мальчики оба умерли, еще перед Первой мировой войной, а Вера Павловна жива до сих пор. Она окончила Высшие женские курсы по историко-филологическому факультету и много лет преподавала в Университете русский язык иностранцам и народам Севера, сейчас она на пенсии. О жизни в Витебске у меня осталось мало воспоминаний: помню, как мы гуляли по бульвару и собирали желтые и красные кленовые листья, которыми была усеяна дорожка. Помню еще, что у Андреевых была няня, которая рассказывала очень страшные сказки про разбойников. Как-то вечером Андреевы с матерью пошли к кому-то в гости, и я очень боялась, что без них на нас нападут разбойники.

Мы прожили в Витебске, должно быть, месяца полтора и вернулись домой. Я рада была вернуться к своим игрушкам и книжкам и к своим друзьям – Андрюше Тищенко и Тане Поленовой. Еще прошлой зимой мы с ними начали заниматься французским языком. Учительница француженка приходила к нам, к нам же приходили и Таня с Андрюшей. Начинались занятия, должно быть, часов в десять, кончались в двенадцать часов. Таня Поленова была здоровая, толстая, она еле выдерживала до двенадцати часов, начинала повторять: «Хочу домой, котлетку хочу».

Фото 16. Андрей Тищенко. 1895 г.

По приезде из Витебска занятия наши возобновились, к весне мы уже знали порядочно слов и пели хороводные песенки. В двенадцать часов за Таней приходили и уводили ее домой, а Андрюша обыкновенно оставался. Он приходил к нам почти каждый день и уходил домой уже вечером. Если он уходил раньше, я вцеплялась в его куртку и кричала: «Не уходи!» И я, и родители мои его очень любили, у него были очень оттопыренные уши, и отец звал его не по имени, а «Вислоухий». Он был тихий, спокойный мальчик (фото 16), добрый и справедливый, он никогда не участвовал ни в каких нехороших шалостях, я его считала гораздо лучше себя, тем более что и мать всегда ставила мне его в пример, я искренне огорчалась, что не могу быть такой хорошей, как он, – не слушаюсь, шалю, стараюсь скрыть свои проступки, как-нибудь вывернуться, а он всегда честно признается, если в чем-нибудь провинится. Мы с ним очень дружили, ему у нас было хорошо, дома братья были моложе, следующий за ним Володя был большой шалун (фото 17). Тетя Лиза была недовольна, что его так тянет к нам, дразнила его, называя «Фаворский сын», и доводила его до слез.

Фото 17. Андрей, Владимир, Николай и Дмитрий Тищенко. 1898 г.

Наступила весна, когда надо было думать, куда ехать летом. Врачи рекомендовали повезти мать куда-нибудь, где теплее. Старинные знакомые отца Митропольские ехали на Украину, или, как тогда говорили, в Малороссию, в Полтавскую губернию в город Гадяч, там они жили прошлым летом в слободе на берегу Псёла и собирались снова туда поехать. «Приезжайте, остановитесь у нас и поживите, пока не найдете себе помещение», – говорили они. Родители рискнули. Оказалось, однако, что найти подходящее помещение нелегко: в хатах комнаты низенькие, душные, а матери нужен свежий воздух. Наконец, нам указали на краю слободы большой рубленый дом с садом, хозяин которого переехал в город. И дом, и сад оказались хорошими, мы очень удобно устроились. Когда мы снимали дачу под Петербургом, мы возили с собой домработницу, сюда же мы ее не повезли, дорога была дорогая. К счастью, нам порекомендовали местную стряпуху Явдоху, которой мы остались очень довольны. Она жила у нас со своим пятилетним сыном Ванько.

У Митропольских мне не было подходящих товарищей, я об этом не жалела, мы с Ванько прекрасно проводили время. Мать сама не купалась, меня же она водила купаться на Псёл каждый день; с нами, конечно, бегал и Ванько. Он купался только до Ильина дня (20 июля старого стиля), хотя вода и после этого была еще очень теплая. Мы с ним играли или в саду, или во дворе, где упражнялись в прыгании с высокого помоста или играли с дворовой собакой. У нас было много знакомых слободских ребят, с которыми мы играли на широкой, поросшей травой улице слободы. Это лето мы провели хорошо. Погода была большей частью хорошая, но бывали и грозы.

Я запомнила одну грозу, которая случилась ночью: бушевал ветер, лил дождь, я проснулась и видела, что в комнате было светло от непрерывно следовавших одна за другой молний, непрерывно раздавались страшные удары грома. Наутро со всех сторон слышались рассказы о поваленных деревьях и сорванных крышах.

Мы с матерью часто делали недалекие прогулки, я раньше никогда не видела такого изобилия шиповника различных цветов – розового, малинового, желтого, белого; мы сушили эти цветы в толстом французском словаре, но, к сожалению, цвет лепестков нам не удалось сохранить. Украина славится своими вишневыми садами, но нам не повезло, в это лето был неурожай вишен. Вообще же зелени и всяких продуктов там было изобилие, и Явдоха нас очень вкусно кормила. Между прочим, в большом ходу были жареные голуби, их продавали на базаре наравне с курами. Мясо у них очень нежное, немного сладковатое. К концу лета я стала понимать украинский язык благодаря постоянному общению со слободскими ребятами. Вечерами мы часто слушали, как «спивали» девчата в слободе. Я-то, конечно, не понимала, но отец говорил, что у них у всех от природы поставленные голоса, во всяком случае, пели они очень хорошо задушевные украинские песни. С длинными лентами в косах, в вышитых рубашках и пестрых плахтах, они были очень живописны. Мать купила там плахту¹¹⁷. Она долго служила у нас вместо коврика. Плахты эти очень красивы и очень прочны. Мы накупили также глиняных игрушек местного изготовления для подарков «тищеняткам», как Алексей Евграфович называл своих племянников, и детям Андреевых, так как мы опять собирались заехать ненадолго в Витебск. В Витебске на этот раз мы прожили недолго.

Алексей Евграфович вернулся в Санкт-Петербург один, с 1 сентября 1896 года он стал профессором Университета по кафедре аналитической и технической химии. Вскоре и мы с матерью вернулись домой. Когда мы возвращались с дачи, нас всегда встречал Петр Малафеев. Для нас бывала уже приготовлена карета (извозчика не брали из-за боязни, чтобы мать не простудилась в открытом экипаже), а для багажа, которого всегда бывало много, Петр нанимал ломового и сам с ним приезжал во двор. Карета въезжала с набережной во двор, в конце двора отец высовывался из окошка и командовал: «Налево, а потом направо», – и мы подъезжали к нашему подъезду, я сразу же бежала в детскую, к своим игрушкам, которые казались особенно милыми и интересными после трехмесячной разлуки. Радостно было встретиться с петербургскими друзьями – Андрюшей и Таней, снова стали мы заниматься французским языком, играть и бегать во дворе и в Ботаническом саду.

Мама занималась хозяйством, руководила приготовлением обеда и завтрака, сама она не могла стоять у плиты, но давала точные указания кухарке. Алексей Евграфович любил хорошо покушать и был очень требователен относительно стола, поэтому у нас в семье больше обращалось внимания на еду, чем на одежду. Отец шил себе костюмы редко, носил их аккуратно. Гардероб у него был небогатый: костюм зимний, костюм летний, сюртук и брюки к нему. Фрак он сшил себе в 1887 году к свадьбе и больше, мне кажется, фрака и не шил. Носил он крахмальные рубашки со стоячим воротничком и черным галстуком бабочкой, белый галстук надевал только с сюртуком или фракком на Новый год, на Пасху или торжественные заседания. Летом он

¹¹⁷ *Плахта* – кустарная украинская шерстяная или хлопчатобумажная ткань, полосатая или клетчатая.

носил русские рубашки из сурового полотна, вышитые по подолу, вдоль ворота руками матери. Мне мать шила все сама – и белье, и платье, сама же шила белье и себе с отцом. Первого числа каждого месяца Алексей Евграфович давал матери определенную сумму денег на расходы, сюда включались и еда, и одежда, плата домработнице и за мои уроки. Дополнительная выдача денег производилось очень редко, в случае необходимости какой-нибудь крупной покупки.

Когда Наталья Павловна хорошо себя чувствовала, мы с ней ходили гулять или за покупками. В то время не принято было ходить с сумками или сетками, все покупки заворачивались, завязывались или с петелькой, или с деревянной круглой палочкой, чтобы удобней было нести. С плетеными из травы сумками или корзинками ходили только домработницы за провизией. Магазины, в которые мы с матерью ходили, почти все были расположены на 1-й линии Васильевского острова. Там был мануфактурный магазин Матвеева, где мы покупали все нужные нам материи, магазин Герша с аптекарскими товарами, магазин Балясова с писчебумажными товарами, гастрономический магазин Баскова и тому подобное. Деньги мать берегла, где можно сэкономила. Помню, она часто покупала к чаю печеную смесь, но не в коробке, а лом: вкус был тот же, вид был не такой красивый, зато оно было дешевле.

Отец много курил, он покупал табак и гильзы в магазине Асмолова на Невском и сам набивал себе папиросы. Собираясь на охоту, он набивал себе патроны; в одном из ящиков письменного стола у него хранился охотничий порох, дробь разных калибров, патроны и пыжи, там же лежали патронтаж и сетка для дичи.

Из-за болезни матери родители редко ходили в гости, но у нас гости бывали довольно часто. Многие приходили навещать Наталью Павловну, милый и кроткий характер которой привлекал к ней сердца многих знавших ее. К Алексею Евграфовичу приходили его товарищи, друзья его старшего брата Андрея Евграфовича, часто приезжали в столицу по делам московские родственники. Чаше других бывали Орест Нилыч и Елизавета Ивановна Петропавловские. Орест Нилыч был товарищ Андрея Евграфовича, который вместе с ним устраивал в Павлове артель¹¹⁸ кустарей. Затем Валентин Львович и Клара Андреевна Бианки, жившие в здании Академии наук, где Валентин Львович был сотрудником зоологического музея. Сам он постоянно ворчал и брюзжал, а жена его, немка родом, была милое и тихое существо. У них было трое сыновей: Лев, Анатолий и Виталий; первый был немного старше меня, остальные были меня моложе, все они бывали у нас на елках и детских праздниках. Виталий Валентинович стал потом известным писателем¹¹⁹.

Часто бывала у нас Лидия Алексеевна Вуколова, жена товарища Алексея Евграфовича, иногда она приходила с дочкой Ольгой, года на два меня старше, мы с матерью тоже иногда у них бывали, у них было еще двое младших детей: Елизавета и Владимир, последний был крестником моей матери. Часто навещал нас морской врач Федор Васильевич Смирнов. В бытность свою врачом на судне, стоявшем на Кронштадском рейде, он свел знакомство с местными химиками, заинтересовался этой наукой, стал читать химическую литературу. Работы отца привлекли его внимание, он попросил разрешения поработать в лаборатории. При этом так увлекся, что проводил в лаборатории все свободное от службы время. Результатом явились две статьи, напечатанные в «Журнале Русского химического общества» в 1905 и 1906 годах. Он стал бывать у нас дома, стал нашим домашним врачом. Он очень хорошо относился к Алексею Евграфовичу и Наталье Павловне и был у нас дома своим человеком. На мои именины и дни рождения он дарил мне хорошие детские книги. Со всеми своим бедами мы обращались к нему: заболею ли я, надо ли устроить в больницу домработницу, нужно ли порекомендовать врача-специалиста. Федор Васильевич много плавал на военных кораблях, совершал и круго-

¹¹⁸ *Артель* – добровольное объединение людей для совместной работы или иной коллективной деятельности, часто с участием в общих доходах и общей ответственностью на основе круговой поруки.

¹¹⁹ *Бианки В. В.* (1894–1959) – писатель, автор многих произведений (предназначенных прежде всего детям) о живой природе.

светные путешествия, лично наблюдал угнетение поработанных колонизаторами народов. Он был во владениях многих европейских народов и говорил, что самыми жестокими колонизаторами являются англичане. Сам он был в высшей степени гуманным человеком, сцены жестокости, которые приходилось ему наблюдать во время путешествий на суше и на корабле, глубоко возмущали его. К. М. Станюкович, очень его любивший, описал его в своем произведении «Вокруг света на “Коршуне”» под видом доктора Федора Васильевича. Глубоко образованный, веселый, остроумный, он был интересным собеседником и обаятельным человеком.

Из Москвы часто приезжал по делам в Петербург Андрей Викентьевич Адольф¹²⁰, женатый на Надежде Владимировне, сестре моей крестной, О. В. Фаворской. Он всегда привозил мне подарки, большей частью коробки с набором для какого-нибудь ручного труда: для плетения корзиночек из стружек, металлические формочки из проволоки для обматывания их окрашенной в разные цвета длинной шелковистой травой и тому подобное. Не могу сказать, чтобы я особенно была рада таким подаркам, так как никогда не была рукодельницей; готовые, приложенные для образца корзиночки я использовала в своих играх, а материал для дальнейшей работы оставался лежать нетронутым в коробках. Один раз Андрей Викентьевич привез две книжки: «Дружба с природой» Кайгородова¹²¹ и «В царстве черных» Стенли¹²², одну для меня, другую для Андрюши Тищенко. Мы решили с ним разыграть эти книги, и мне досталась книга «В царстве черных». Я помню, сначала была недовольна: обложка, на которой был отпечатан африканский материк и рядом с ним фигура негра, ничего мне не говорила, так как я еще не имела понятия о географии и сочла изображение Африки просто за орнамент. Впоследствии, однако, эта книга была одной из самых моих любимых книг; я так часто ее перечитывала, что до сих пор помню многие картинки и подписи к ним и некоторые фразы из нее, так же как и имена всех действующих лиц. Я очень жалела, когда впоследствии эту книгу зачитал один знакомый мальчик.

Иногда Андрей Викентьевич привозил мне подарки, которые присылала мне Ольга Владимировна, крестная. Иногда он передавал их через Андрея Евграфовича, который время от времени тоже приезжал в Петербург. Сама она тоже изредка навещала нас. Ее подарки бывали совсем другого рода: обычно она посылала материи мне на платья. В то время шелковые платья надевали только в театр или на большие вечера; детям вообще таких платьев не шили. У моей матери я не помню ни одного шелкового платья, у нее бывали только шелковые блузы, которые она носила по праздникам. Москва славилась своими хлопчатобумажными материями, и Ольга Владимировна присылала мне обыкновенно какие-нибудь нарядные красивые ткани для летних платьев, иногда вместо московских изделий она посылала заграничные ткани, чаще всего английские.

Довольно часто заходил к нам живший в Петербурге брат Ольги Владимировны, Леонид Владимирович Шервуд, никому еще не известный в то время скульптор. Жил он в то время очень бедно, как обычно жили в те времена начинающие художники; обыкновенно он приходил к обеду. Думаю, что отец оказывал ему и более существенную помощь. Один раз во время его посещения произошел такой инцидент. Леонид, будучи еще молодым, любил возиться с детьми. Он поймал меня, взял за руки, и мы стали с ним кружиться по комнате все быстрее и быстрее. Не знаю, как это случилось: хотел он меня бросить с размаху на диван или просто мои руки выскользнули у него из рук, – только я с размаху упала на пол и стукнулась головой так сильно, что потеряла сознание. Очнувшись я на диване, все хлопотали около меня, по лицу у меня текла холодная вода, на голове лежала мокрая холодная тряпка. Леонид Владимирович

¹²⁰ Адольф А. В. (1857–1905) – педагог, переводчик и филолог. Был директором знаменитой московской 5-й гимназии.

¹²¹ Кайгородов Д. Н. Дружба с природой. СПб., 1897.

¹²² Стенли Г. М. В царстве черных: Сцены из жизни и природы Средней Африки. СПб., 1899.

был страшно смущен и расстроен. К счастью, падение мое не имело никаких последствий, только потом я долго не соглашалась, когда мне предлагали кружиться.

Как я уже писала, я не была рукодельницей, не любила ни шить, ни вышивать, и так за всю жизнь этому не научилась. Зато очень охотно я помогала матери в предпраздничной уборке. Каждый год к Рождеству и Пасхе производилась уборка квартиры, ее убирали еще раз в августе перед нашим возвращением с дачи, но этой уборки я не видела. Зимой же и весной я наблюдала весь процесс уборки: для этой цели приглашали поденщицу, которой помогала наша домработница. Все столы и шкафы в комнатах покрывали простынями, на половую щетку навязывали тряпку и обметали все потолки, потом мыли окна, двери, печки, полы. Полы мыли только крашенные, для уборки паркетных полов ходили полотеры, которые раз в месяц натирали полы с мастикой, а каждую неделю – без мастики. Медные ручки у дверей и печек и листы перед печками натирали до блеска, натирали также медную плевательницу – медный тазик с песком, который стоял в углу кабинета отца, хотя я никогда не замечала, чтобы отец или кто-либо туда плевал, но очевидно, тогда полагалось иметь в квартире такой предмет.

Перед тем как натирать полы перед праздником, мы с матерью занимались тем, что мыли цветы: на пол в столовой расстилали газеты, на табуретки ставили тазы с теплой водой, мы вооружались маленькими губками и тщательно протирали каждый листок каждого цветка. Кроме мытья цветов мы еще чистили серебро: зубным порошком мы протирали серебряные ризы у икон и серебряные столовые и чайные ложки.

Отец иногда брал меня с собой в лабораторию: дверь нашей кухни выходила на внутреннюю теплую лестницу, по ней мы проходили в препаровочную¹²³, затем в полутемную большую аудиторию, освещенную через большие окна светом дугового фонаря, горевшего во дворе и, наконец, попадали в лабораторию. Как только открывалась туда дверь, мне бросался в нос запах различных органических веществ, казавшийся мне необыкновенно приятным. В 1896 году Алексей Евграфович стал профессором кафедры аналитической и технической химии¹²⁴ и в 1896/97 учебном году читал уже соответствующий курс лекций¹²⁵.

Летом 1897 года по чьей-то рекомендации мы поехали в имение одной обедневшей помещицы в Орловскую губернию, которая брала нас на полный пансион. Жили мы на втором этаже большого помещичьего дома, питаться спускались на первый этаж, на большую террасу. Я провела это лето очень хорошо, у меня опять был очень хороший товарищ, внук нашей хозяйки Юшик (Юрий), очень милый пятилетний мальчик. С Юшиком мы жили душа в душу, он называл меня Танечкой и говорил мне «вы» и не соглашался говорить иначе. С утра мы убегали с ним в сад; кроме небольшого цветника перед домом, остальной сад был запущен, бродя с ним по тенистым аллеям, мы собирали с ним прямые палки, валявшиеся в траве. У меня был небольшой перочинный ножик, этим самым ножиком мы с Юшиком стругали наши палки, освобождая их от сучков. Это были наши лошадки, на которых мы потом целыми днями разъезжали. У каждой лошадки был свое имя, у каждого из нас была своя конюшня.

Хотя имение и было запущено, в нем все же велось хозяйство, был птичий и скотный двор и конюшня с рабочими и выездными лошадьми и каретный сарай с экипажами. Самая быстрая лошадь была рыжая с белой отметиной на лбу. В имении был и запущенный фруктовый сад, в котором росли старые вишневые деревья. Лето было очень жаркое и сухое, когда вишни поспели, их долго не собирали из-за недостатка рабочих рук, и они буквально пеклись на солнце. Нам с Юшиком было разрешено залезать на деревья и рвать вишни, что мы с увлечением делали.

¹²³ Препаровочная – помещение, где изготавливаются препараты или производится препаровка.

¹²⁴ Официальное название кафедры, которую с 1896 по 1907 г. занимал А. Е. Фаворский, – кафедра технологии и технической химии.

¹²⁵ Курсы аналитической и технической химии А. Е. Фаворский читал с 1891 г., органической химии – с 1902 г.

По территории имения протекала река довольно широкая и глубокая, которую там все звали Неруч. Мы с Юшиком ходили купаться и весело плескались на мелководье у берега. Часто с нами ходил купаться отец, иногда он брал меня с собой: сажал меня к себе на спину и плавал по глубоким местам. Кроме купания, река доставляло другое удовольствие – ужение рыбы. Отец, как известно, был заядлый рыболов и с детства приохотил меня к этому виду спорта. Он сделал нам с Юшиком маленькие удочки, и мы вместе терпеливо следили за поплавком и таскали маленьких окуньков и плотвичек, отцу попадались и более крупные экземпляры.

Отец стремился сделать из меня товарища по своим прогулкам и всяким занятиям и с малых лет брал меня на купанье, на ловлю рыбы, а летом 1897 года мы с ним занялись энтомологией. Дело в том, что В. Л. Бианки занимался изучением лесных клопов и просил Алексея Евграфовича собрать ему коллекцию клопов, живущих в Орловской губернии, и вот мы с ним осматривали все деревья, кустарники и травы и собрали за лето богатый урожай этих насекомых. Приближался конец августа, надо было собираться домой. Юшик очень огорчился моим отъездом. Сквозь слезы он спрашивал меня: «Танечка, а вы лошадок своих с собой возьмете?» – и немного утешился, когда я сказала, что всех лошадок оставляю ему.

1.3. Моя учеба на дому. Лето в Безо. Крымские впечатления. И снова Безо! Учение и развлечения

1897/98 учебный год ознаменовался двумя событиями: Алексей Евграфович занял пост заведующего кафедрой органической химии в Технологическом институте (фото 18), стал читать там первый большой курс органической химии и поставил там на должную высоту научную работу. Вторым событием было то, что я начала систематически учиться русскому языку, арифметике, Закону Божию и другим предметам. М. Ф. Поленова, очень энергичная женщина с сильно развитой общественной жилкой, видя, что в зданиях Университета живет целая группа детей одного возраста с ее младшей дочерью, предложила родителям этих детей организовать совместное обучение, организовать небольшую школу. Родители охотно согласились. Преподавать в этой школе должны были родители учащихся. Занятия должны были проходить в квартирах родителей по очереди, первый год школа помещалась в квартире Поленовых. В число школьников вошли следующие дети: Таня Поленова, Андрюша Тищенко, Липа Коновалова, Таня Фаворская, Нина Каракаш, Коля Егоров и Настя Александрович. При помощи Настиного отца (экзекутора¹²⁶ Университета) были заказаны школьные парты, черная классная доска. Занятия начинались в девять часов и продолжались до двенадцати часов, было каждый день по три урока с двумя переменами по десять минут. Закон Божий преподавала Елизавета Евграфовна Тищенко, русский язык – Вера Ивановна Каракаш, она же преподавала и пение, так как у нее самой было хорошее контральто, и она иногда выступала публично на концертах, арифметику преподавала моя мама. М. Ф. Поленова преподавала рукоделие. Матери, способной преподавать рисование, не нашлось среди родителей, поэтому для этих уроков была приглашена учительница со стороны.

Фото 18. Здание Технологического института

Мы с большим удовольствием бежали по утрам в нашу школу, на переменках бегали и играли в разные игры. После школы мы завтракали и шли гулять в сад и во двор. Этой зимой в занятиях моих произошла еще одна перемена: у нас дома поселилась Mademoiselle Valerie,

¹²⁶ Экзекутор – в Российской империи чиновник, ведавший хозяйственными делами учреждения, наблюдавший за порядком в канцелярии.

молоденькая швейцарка из Французской Швейцарии. Она занималась со мной, Андрюшей Тищенко и Таней Поленовой, когда мы возвращались после прогулки. С них же она получала деньги, а со мной она занималась за стол и комнату. Очень милая девушка эта стала скоро членом нашей семьи и благодаря общению с ней я делала большие успехи во французском языке. Мы все ее очень полюбили, и она очень привязалась к нам. Иногда мы ходили с *Mademoiselle Valerie* гулять. Весной мы брали книжку и сидели в университетском ботаническом саду на скамейке под большим серебристым тополем или под другим каким-либо деревом. Сад этот содержался тогда в большом порядке, в нем и в оранжерее работал большой штат садовников. Заведовал им бойкий еще старичок, немец Ниман, у него была квартира в том здании, в котором теперь помещается кафедра генетики. Мы, дети, его очень боялись. У него в течение многих лет жила собака, белый шпиц под названием Крошка. В этом же доме жил его помощник, поляк Коржело, молодой, высокий человек, его мы боялись еще больше. Таня Поленова почему-то окрестила его Косой черт, хотя он совершенно не косил.

В саду было много больших тенистых деревьев, в том числе большой пробковый дуб, много цветущих кустарников, вокруг пруда росли различные сорта ив. Много было клумб с летними цветами. В той половине сада, которая расположена между оранжереей и нашим домом, росли многолетние цветы и травы. В другой части сада был сделан маленький прудик, поблизости от него росли влаголюбивые растения. В обеих частях сада зимой все дорожки расчищались. Помню, в одну снежную зиму дорожки превратились в снежные коридоры, когда я гуляла по ним с матерью, высота стенок превышала мой рост. Летом многие растения выставлялись из оранжереи и вкапывали их в горшках и в кадках в землю в специально отведенные для этого места. Пруд тоже доставлял нам много радостей: зимой снег на нем разметали, и по нему было очень хорошо кататься на коньках. Около пруда была большая искусственная горка, в которой был сделан грот, обложенный туфом, с нее можно было далеко катиться на санках и лыжах. Осенью мы ловили в пруду колюшек. Вместо удочек нам служил росший по берегам пруда тростник. Мы привязывали червяка верхним листом тростника и закидывали «удочку» в пруд, надо было быстро вытаскивать, чуть только колюшка клюнет. Иногда пруд промерзал до дна, весной льдины отставали от дна и поднимались вверх, получались плоты большей или меньшей величины, достаточно прочные. Первый раз я увидела, как на таких льдинах катались чужие мальчишки с большого университетского двора, и рассказала об этом дома матери как пай-девочка, которая такими вещами не занимается. На следующий день в сад пришла вся наша компания и стала кататься на льдинах, не утерпела и я и благополучно покаталась. Таня же Поленова, залезая на льдину, оступилась и провалилась до колен в воду. Когда она пошла домой, ребята провожали ее с криками «Утопленница, утопленница!». Кататься было интересно, но идти домой и признаваться в том, что нарушила запрещение, было не очень приятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.